

Андрей Михайлович Дышев Чего не хочет женщина (Сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162027*

Аннотация

Жизнь не любит компромиссов, она требует прямого и точного выбора. Особенно в любви. Но Ольга никак не может решить для себя, кого она больше любит – своего жениха Глеба или друга Сергея, вернувшегося из Чечни. Значит, придется выяснять отношения самим мужчинам. И они выясняют. С помощью оружия. Глеб ранил из пистолета Сергея, и Ольге пришлось спрятать преступника. Однако Сергей решил, что должен разобраться с ним, и начал поиски обидчика. Теперь Ольге все же придется сделать свой выбор. Но когда в ее руки попадает злосчастный пистолет, она делает уж совсем роковой шаг...

Содержание

Приколист	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Дышев

Чего не хочет женщина (Сборник)

Попытка отождествить себя с моими героями не приветствуется.

Совпадения с действительностью могут быть, но они случайны и умысла не содержат.

Посвящается мне, любимому.

Автор

Приколист

Глава 1

– ...а второй врач, который покрепче, говорит: зачем, мол, на него анестетик переводить, давай так резать. А я на животе лежу, руки и ноги связаны, в рот рулон бинта вставлен, только мычать могу. Чувствую, они мне всю нижнюю часть спины йодом смазывают.

– А йодом-то зачем?

– Для обеззараживания, наверное. Страшно – жуть! Первый берет скальпель, подносит его к свету и морщится. Маловат, говорит. И берет он другой – вот такой ножище, мой дядька в деревне таким кабанов одним взмахом заваливает. А тут еще из двери мужик в черных очках высовывается и спрашивает: скоро, мол? А то клиент уже заждался, надоел ему гемодиализ, и самолет на всех парах стоит. А врачи ему хором: дверь закрой, здесь стерильность! И друг с другом советуются, может, не одну, а обе почки вырезать, так сказать, на всякий случай, потому что донор уж больно удачный – и молодой, и непьющий, и никакой наследственной отягощенности не выявлено.

– А кто донор?

– Да я и есть донор! Представляете, каково мне это слышать? Но что я могу поделать? Только зубами скриплю. И тут чувствую, как лезвие к коже прикасается. Боль адская, терпеть ее никаких сил нету. А я даже по-человечески орать не могу, рот ведь забит. И начал как червь на крючке дергаться всем телом. А они – один надрез неверный, другой. По мне кровь льется, щекочет бока. Можно сказать, у меня агония началась, только жизнь на уме, каждая клеточка тела вопит о пощаде, жить хочет. Не знаю, как мне удалось вытолкнуть кляп языком, и я как взвою: «Садисты! Вы хоть одну почку мне оставьте!» А этот, который здоровый, бац меня кулаком по затылку и отвечает: заткнись, мол, гусь рождественский, пока мы тебе еще и сердце не вырезали; сам пожил, дай другим пожить, вон какая очередь за свежими человеческими потрохами выстроилась – кому почки нужны, кому селезенка, кому желудок, кому сердце, кому кожа...

– Ужас, – пробормотал водитель, невольно сбавляя скорость. Ему расхотелось лихачить. Он вдруг представил себя лежащим на операционном столе.

– Не то слово, – покачал головой Клим. – И таких случаев сотни и тысячи! Приходишь на обычную диспансеризацию, тебя отводят якобы на УЗИ, там делают якобы обезболиваю-

щий укол, после чего вырубаетесь и спите несколько часов крепким сном. А просыпаетесь в реанимации и с одной почкой. Что? Как? Почему? А какая-нибудь смазливая медсестра, поправляя тебе подушечку, тихо мурлычет: «Ах, как вам повезло! Мы обнаружили у вас инсуломигематологический нефрит в последней, разлагающейся стадии, и только экстренное удаление почки спасло вам жизнь». И выходит, что ты еще им должен «штуку» баксов... Нет, я после того случая зарекся в больницы и поликлиники ходить. И квасить начал, как последний сапожник, чтобы никто не смотрел на меня как на потенциального донора, не отягощенного пороками.

– А чем кончилось-то все? – нетерпеливо произнес водитель, прижимая «КамАЗ» к обочине, чтобы желтая, как лимон, «Ока» смогла его обогнать.

– Чем-чем, – безрадостно ответил Клим. – А фиг его знает чем. Очнулся я уже в палате. Под ребром шрам. Через два дня меня выписали.

– А почка на месте?

– А кто ее знает! Я ж посмотреть не могу. Плохо, что когда эти эскулапы меня резали, то задели какой-то блуждающий нерв, и теперь меня постоянно мучает энурез. Матрацев и простыней не напасешься. Пробовал памперсами пользоваться, так только за месяц у меня двести баксов на это удовольствие ушло. Теперь сплю над ванной в гамаке. А что еще делать? Вся жизнь наперекосяк...

– Вот и приехали, – сказал водитель, сбавляя скорость и сворачивая к голубой будке под треугольной крышей, на которой было написано: «Автостанция». – За разговором время незаметно пролетело. Жаль, что мне в обратную сторону надо.

Подняв пыль, «КамАЗ» затормозил посреди небольшой, вытянутой как яйцо площади. Темными пятнами угадывались недавно высохшие лужи. В жидкой тени чахлой акации лежала старая автомобильная покрывка, гладкая, как баранка. Два мужичка, используя ее в качестве дивана, расстелили на земле газету, выставили на нее бутылку, стаканчики и несколько вялых стрелок лука. На противоположной стороне площади, как бы подпирая ее, чтобы не растеклась, подобно гороховому супу, тянулся ряд прилавков под железной крышей. На прилавках, кроме мусора, ничего не было, только с краю скучковались старушки, сонно выглядывая из-за ведер с яблоками. Клим вынул из кармана кошелек, хотя знал, что тот пустой. Водитель, увидев это, махнул рукой:

– Да ты об этом даже не думай! Не надо денег! Иди, парень, иди!

– Спасибо вам, – сказал Клим и приложил ладонь к груди. – Редко когда встретишь такого бескорыстного человека.

Он открыл дверь и спрыгнул на землю.

– Эй, парень! – крикнул водитель и, свесившись, протянул ему несколько купюр. – Возьми! Пригодится...

«КамАЗ» пшикнул, как огнедышащий дракон, и покатил на бензозаправку, сотрясая своей тяжестью землю. Молодой человек глянул на купюры. Два раза по полста. Ого, какая удача! А солнце-то как жарит! Вроде вечер, а облегчения никакого. Летний зной, о котором он так долго мечтал в прохладном Кирове, здесь был все равно что горячая картофелина в кармане. Зной должен идти только в сочетании с морем, как колбаса с хлебом или пиво с таранкой. С высушенной степью зной не катит... Кстати, пиво! У девушки, которая наполняла пластиковые бокалы пеной, были какие-то странные глаза. Она смотрела только на руки покупателей.

– А как ваш город называется? – спросил Клим.

Этот вопрос был сродни тому, как если бы назвать пожилую женщину девушкой. Какой же это город, раз со всех сторон сквозь деревья просвечивается степь и всех жителей вместе с собаками в одну школьную тетрадь переписать можно? Вопрос прозвучал бы оскорбительно, если бы в интонации молодого человека была заметна насмешка. Но Клим задал

его с правдоподобным заблуждением, в результате получился очень недурной комплимент. Продавщица долго не отвечала, раздумывая, признаться, что это не город, а ПГТ, или же пускай этот лопух так и пребывает в неведении.

– Десять копеек поищите! – сказала она, так и не придя ни к какому решению, но ее голос при этом был полон столичного достоинства.

– И все же, как город-то называется?

На этот раз продавщица уловила иронию.

– Если не слепой, то читайте на автостанции, – ответила она в своей обычной манере.

Но Клим любил продавцов, которые хамят. По его мнению, они намного искреннее и честнее улыбающихся. Их забрало всегда поднято, и человека видно насквозь. А что творится в больших городах! Как-то Клим был проездом в Москве. От растянутых, как эспандер, улыбок его вскоре стало тошнить. «Здра-а-а-вствуйте! Чем могу вам помочь?» Шизуха! Он толкался в галантерейном отделе у прилавка с носками, а девушка спрашивала, чем может ему помочь. Носок на голову натянуть!..

Пиво холодное, зубы сводит. Вокруг пыль. Один за другим подкатывают автобусы. Горячие, как утюги. За мутными стеклами с трудом можно было разглядеть таблички с названиями конечных станций. Все однотипные, оканчиваются на «о»: «Акилово», «Гидаево», «Головино», «Шумайлово».

У кассового окошка автостанции ему пришлось так согнуться, что задница оказалась выше головы. Но все равно Клим не увидел ничего, кроме двух пухлых ладоней, лежащих друг на друге, как спаривающиеся камбалы.

– А в сторону моря каким автобусом лучше поехать?

Долгая пауза. Кассиршу переключило от такого вопроса, словно компьютер, клавиатуру которого использовали в качестве разделочной доски.

– Все в расписании! – вышла она из клинча и нетерпеливо пошлепала камбалой по столу. – Следующий!

Пиво, превратившись в пот, принялось выбираться наружу через кожу на затылке. Удивительно неприятное чувство. Кажется, будто в волосах шевелятся вши. Знала бы кассирша, как Климу хотелось на море! Как перелетной птице осенью на юг. Он закрывал глаза и видел себя валяющимся на горячих камешках, словно забытое кем-то пляжное полотенце, где так вкусно пахнет прелыми водорослями, где тихо шепчут волны и бродят задумчивые крабы. Клим проверил карманы джинсов в поисках платка. Какая духота! Расписание ему ни о чем не говорит. Одни «Акиловы» и «Гидаевы».

– Тебе в Ростов надо, – сказал мужчина неопределенного возраста с разреженным строем кривых зубов. – А там сядешь на любой поезд, идущий до Адлера.

Он оценивающе рассматривал Клима, как если бы собирался драться или просить денег. Климу не хотелось знакомиться с местным аборигеном, и он вставил в уши наушники от плеера, который висел у него на поясе. Включил воспроизведение, прибавил звук. Бумц-бумц-бумц! Эта музыка ему уже осточертела, но другой кассеты не было. «Сядешь на любой поезд...» На поезд Клим давно бы сел, будь у него достаточно денег. Весь фокус состоял в том, что он путешествовал по стране бесплатно. Опять придется торчать столбом на обочине шоссе с протянутой рукой, словно семафор? Кто бы знал, как ему надоели «КамАЗы»! Они, словно шахматные кони, никогда не ходят прямо, но все с какими-то вывертами. Говоришь водителю русским языком, что тебе надо на юг, к морю. Он кивает, но везет куда-то на запад или восток. Ему с попутчиком веселее. «Да ты не переживай, – говорит, высаживая у какой-нибудь бензоколонки. – Отсюда к морю все машины без исключения идут». Но Клим всякий раз почему-то нарывался только на исключения, которые везли его в противоположную сторону.

Он сел на лавочку, испещренную резными надписями, как раз на утверждение «Боря фуфел», и достал всю имеющуюся у него наличность. Каждую купюру он тщательно разровнял на колене, а затем сложил в студенческий билет, словно вырванные из него страницы. Как символично! Вся группа скинулась на взятку препода по сопромату, а Клим отказался. Пошел на принцип. Денег, которых у него не было, он не жалел. Он искренне верил, что знает предмет в достаточной мере, чтобы сдать экзамен. В итоге получил два балла. Чтобы пересдать, надо было отстегнуть уже сто баксов. Климу ничего не оставалось, как твердо лобо следовать прежним курсом, и он завалил экзамен во второй раз. Тут еще выяснилось, что он был организатором безобразных оргий в общежитии. Короче, турнули его из института. Что делать? Домой с такой новостью возвращаться нельзя.

Опять грустные мысли лезут в голову! Долой их! Клим выключил плеер и выдернул из ушей кнопочки. Пошел вдоль ржавого прилавка. Торговки яблоками не обращали на него внимания. У них никто никогда и ничего не покупал, и они просто изображали деятельность. Белый налив, вопреки утверждению дебелий тетки, оказался кислым. Клим откусывал от него по кусочку до тех пор, пока не добрался до семечек.

– Так будете брать или нет? – проворчала тетка, глядя на то, как у Клима во рту исчезает огрызок.

Ей было лет шестьдесят. Она упиралась в прилавок обеими руками, увесистыми в предплечьях, почти как у Арнольда Шварценеггера. Клим представил, как тетка бьет своего пьяного мужа этими могучими руками. Старый посылочный ящик, заполненный яблоками, со всех боков, как плевками, был усеян сколотыми сургучными печатями.

– Вы здешняя?

Тетка молча усмехнулась, мол, глупый вопрос, и стала обмахиваться рекламным журналом. Как покупатель Клим ее не интересовал. А просто трепаться с незнакомым молодым человеком ей было скучно.

– Я ищу людей, которые могли бы знать моего деда.

– А я здесь при чем? – Она пожалала толстыми плечами, похожими на арбузы.

Клим потянулся к ящику, взял еще одно яблоко и потер его о футболку.

– Положь на место, если покупать не собираешься, – сердито сказала тетка, но только Клим вернул яблоко на место, как тотчас смилостивилась: – Ладно, ешь, раз уж взял.

Клим с хрустом надкусил.

– Его ранило где-то в этих местах, когда наши гнали немцев из Новороссийска, – сказал он, выискивая в белой яблочной мякоти червя. – Боевые порядки прошли, а он остался лежать на пшеничном поле. Утром его молодая женщина нашла. Подумала, что убит, сходила домой за лопатой, вырыла могилу, скинула его туда и стала закапывать. А он вдруг как заорет! У женщины обморок. Очнулась оттого, что боец нежно ее по щечке гладил. Она приволокла его к себе и до самой зимы выхаживала. Дед был жутко изранен, тем не менее женщина от него забеременела и родила тройню.

– Так уж сразу тройню? – усмехнулась торговка.

– Нет, не сразу, – возразил он. – А одного ребенка за другим. Ну а потом дед поправился и вернулся в строй. А та женщина вскорости умерла. Как-никак, это моя бабушка, получается. Вот я ее могилу и разыскиваю.

– Мало ли кто когда здесь умер, – снова пожалала арбузами торговка. – А как фамилия деда-то?

Клим вынул студенческий билет, не забыв оставить деньги в кармане, и раскрыл его на том месте, где была фамилия.

– Да я без очков ничего не вижу! – отмахнулась женщина.

Клим глянул в билет и почему-то прочитал свою фамилию Вопилин с конца. Получилось Нилипов.

– Нелипов? – повторила тоговка и наморщила блестящий лоб. – Нет, никогда не слышала.

– Что ж, спасибо и на этом, – сказал Клим, не сводя глаз с яблок. – Отрицательный результат – тоже результат. Пойду опрошу других. Людей в вашем городе много, на неделю работы.

– Давай, давай! – напутствовала женщина. – Удачи тебе!

Другие торговки яблоками, подсмотрев, что общение молодого человека с теткой не закончилось актом купли-продажи, вовсе не стали на него глядеть. Куда же пойти? Переночевать на автостанции? Скучно и грустно. Страшно подумать о том, что будет, когда папа узнает об исключении сына из института. Папа у Клим – человек резкий, всю жизнь проработал мясником в гастрономе. Чуть что не так – бьет наотмашь, как Виталий Кличко. Чтобы устроить непутевого сыночка в институт, ему пришлось продать свой мотоцикл «Иж». Теперь на мясокомбинат он пешком ходит.

Клим сделал круг по площади, остановился недалеко от автомобильного колеса и стал отряхивать джинсы от пыли. Может, мужички пригласят его, нальют глоток водки и что-нибудь умное посоветуют. Например, где раздобыть денег на железнодорожный билет до Адлера. На море хочется. Там живет его друг Ашот Вартамян. Работает шашлычником в открытом кафе. Несколько раз приглашал в гости, только с одной оговоркой: чтобы денег взял побольше. Это условие Климу было труднее всего выполнить.

Мужички его не пригласили. Наоборот, пересели так, чтобы быть к нему спиной. Клим заглянул внутрь автостанции. Там было сумрачно, душно и пахло мочой. Припылил еще один автобус: «Долиновка – Еременское». Из его дверей стали вываливаться мешки вперемешку с людьми. В этой потной мешанине пронзительно верещал поросенок. Клим судорожно сглотнул. Вот уже несколько дней он питался тем, чем угощали его дальнбойщики: хлеб, кефир.

– Эй, парень! – Дебелая тетка с ящиком яблок под мышкой тормозила его за плечо. – А ты, вообще, сам откуда?

– Из Москвы, откуда ж еще... – почесывая шею, которую кусал какой-то клоп, ответил Клим. – Моя мама – депутат Государственной думы Людмила Аристарховна Нелипова. Наверное, ее лицо в телевизоре вам уже глаза намозолило?

Тетке было стыдно признаться, что из всех депутатов она знает в лицо только Жириновского, но на всякий случай кивнула и стала с интересом рассматривать джинсы и кроссовки Клим.

– Надо же, – пробормотала она. – Депутат Государственной думы!

Пребывая в некотором смятении, она посмотрела по сторонам, как если бы нашла валяющийся на земле кошелек, и заговорщицки пробормотала:

– Знаешь-ка что, парень. Пойдем ко мне. Нечего тебе тут болтаться, всякую пьянь к себе притягивать. Поможешь мне яблоки снять, а я тебя борщом накормлю.

Глава 2

Она жила в самом центре поселка, в нескольких метрах от центральной площади, где стоял памятник Ленину. Пока шли, Клим рассказал о том, как еще в роддоме его мать отказалась от него, посчитав, что он дебил; как долгие годы в детском доме он ждал встречи с ней, целыми днями сидел на подоконнике и смотрел в окно в надежде увидеть, как в воротах мелькнет до боли родное лицо. Но мама не приходила, лишь один раз прислала посылку с финиками. Злые дети посылку отобрали, финики сожрали, а ему остался один – раздавленный, похожий на кашку. Клим кушать его не стал, хотя очень хотел, завернул в фольгу от шоколадки, которую выпросил у своего друга, и стал хранить как самую дорогую реликвию. Когда было трудно на душе и хотелось плакать, Клим прижимал сокровище к губам и тихо шептал: «Мамочка, родненькая, помоги! Забери меня отсюда, мне здесь так плохо!» Но мама не забирала и вообще не давала о себе знать до тех пор, пока Климу не исполнилось двадцать лет. И вдруг в один прекрасный день к его дому подъехал эскорт из дорогих машин с правительственными номерами, и весь подъезд облепили охранники со страшными лицами, и через живой коридор на третий этаж поднялась Людмила Аристарховна. Она приблизилась к двери квартиры, где жил Клим, перекрестилась и позвонила. Клим открыл, увидел ее, узнал, но даже глазом не моргнул. Ни один мускул на его лице не дрогнул. «Сыночек!» – пробормотала депутат Государственной думы и потянула руки к сыну. «Я вас не знаю!» – ровным и холодным голосом ответил Клим и захлопнул дверь перед самым носом женщины...

Тетка вся обрыдалась, пока Клим рассказывал ей эту историю. До самых сумерек он помогал ей снимать яблоки. При ней он снимал их бережно, как она и велела, по одному, аккуратно укладывая на дно плетеной корзины. Как только она ушла в дом подогреть борщ, Клим слез с дерева, тряхнул ствол как следует и подобрал с земли целый мешок белого налива, который отволоч через сад в степь и присыпал его пожухлой травой.

Самогонки она ему не предложила, а он постеснялся спросить, чтобы не испортить впечатление о себе. Спать совсем не хотелось. Освещенный тусклой лампочкой памятник Ленину, который был виден из окна, притягивал Клима неким таинственным и непознанным содержанием.

– А что, тетюшка, – спросил он, тщательно выбирая изо рта горошины черного перца, – имеются ли в вашем городе какие-нибудь Дворцы детского творчества или Дома культуры?

Тетка весело ответила, что все давно закрылось, обрушилось и истлело, за исключением разве что частного коммерческого кафе «Алик», где по вечерам собираются непотребная молодежь и развратные девки. Клим с осуждением вздохнул, встал из-за стола и сказал, что перед сном желает пройтись по соседям и поспрашивать про своего героического деда.

Оказавшись на ночной улице, Клим испытал прилив приятной и немного волнующей энергии. Он вспомнил про мешок с яблоками, и уже хотел было отправиться на его поиски, но благоразумно решил, что сейчас не самое подходящее время для бизнеса, и потому решительно двинул на центральную площадь, откуда доносились звуки задорной песенки, которая утверждала, что «все будет хорошо».

Тень от памятника падала как раз на вывеску, и прочитать название заведения не было никакой возможности, как, собственно, и необходимости. Климу и без вывески было ясно, что музыка доносится именно из кафе «Алик». Все остальные торговые точки на площади затаились в крошечном мраке и тишине. У распахнутой настежь двери, прислонившись лбом к стене, стояла невысокая девушка в вульгарной короткой юбке и, глядя на свои забрызганные туфли, издавала такой звук, будто доктор сунул ей в рот палочку и попросил сказать «а-а-а». Клим осторожно приблизился к дверному проему, в готовности к неожиданным встречам, и зашел внутрь.

Помещение было темным, душным и небольшим, и окурки, которые веселые пацаны кидали с крайнего столика, запросто долетали до противоположной стены, разбиваясь в искры. Две девушки с пышными копнами волос танцевали посреди кафе, задевая бедрами столики. Барной стойки здесь не было, ее заменяло квадратное отверстие в стене, похожее на амбразуру. Время от времени к амбразуре подходил человек, протягивал деньги и получал оттуда бутылку.

Клим нашел свободный столик и даже свободный стул, у которого, правда, не было спинки. Прежде чем отправиться к амбразуре, он хотел понаблюдать за тем, что пьет и сколько за это платит местное население. Очень скоро он понял, что тоже стал объектом наблюдения. Как минимум дюжина пар глаз смотрела на него. Самыми любопытными оказались парни с соседнего столика. Они не просто поглядывали на Клим, они открыто пялились на него, при этом ухмылялись, кривили губы и дружно, как по команде, хохотали. Клим без удовольствия отметил, что они смотрят на него, как заядлые футболисты на новенький блестящий кожаный мяч.

Парням явно не терпелось познакомиться ближе. Один из них, ускоряя развитие знакомства, встал, прошелся по залу и с силой толкнул столик, за которым сидел Клим. Столик въехал Климу под ребро. Конфликтная ситуация зарождалась на ровном месте, уходить было поздно. Девушки, которые танцевали, сели за свой столик, причем так, чтобы им хорошо был виден самый интересный угол. Они курили и с нетерпением ждали драки, гадая, чем будут бить чужака: просто кулаками и ногами или стульями тоже.

Клим вежливо, чтобы не оскорбить чувств местного населения, отодвинул стол от себя, поднялся и подошел к амбразуре.

– Две бутылки водки и десять стаканов, – попросил он темное бесплотное существо, сидящее в маленьком бронированном помещении, заставленном ящиками и коробками.

Денег хватило в обрез. Одну бутылку Клим намеревался выпить с местным населением, а другую использовать как оружие в случае, если первая бутылка не поможет пригасить конфликт. Он вернулся за свой столик, а когда сел на стул, то с опозданием почувствовал что-то мокрое. Взрыв хохота оглушил Клим. Клим с трудом улыбнулся, отряхнул мокрые штаны и принялся свинчивать пробку. Тотчас столик облепили со всех сторон аборигены. Они прискакали вместе со стульями, не отрывая их от своих седалищ.

– А позвольте полюбопытствовать, гражданин! – провокационным голосом произнес худой, как дистрофик, юноша с зеленым лицом. – А откуда вы тут взялись?

– И для какой цели? – вторил другой провокатор со сморщенным, как у старика, лбом.

Клим оглядел всех присутствующих, выбрал из них самых тупых и свирепых и, указывая в них пальцем, сказал:

– Ты! Ты! И ты! Завтра у памятника ровно в девять! Поведу вас к руководству на собеседование. Только прошу без опоздания!

И принялся разливать водку по пластиковым стаканчикам. За столом воцарилась тишина. Аборигены, привыкшие к давно отработанному сценарию, в котором жертва вела себя совсем иначе, призадумались. Стараясь не упустить инициативу, Клим продолжал:

– Работа предстоит непростая. Вы будете получать по пятьсот баксов. Потом больше. И еще премиальные по показателям добычи. Проживание в вагончиках с кондиционерами и душевыми. Питание четырехразовое в полевой столовой. Спецовки мы вам подберем. Хотя...

Клим оглядел сидящего напротив него детину с лицом печального кабана, у которого отобрали помойное корыто.

– Хотя с тобой могут быть проблемы. Рост слишком большой... Какой размер носишь?

Это был вожак стаи, и оттого, что он впал в глубокий ступор, вся стая притихла и недоуменно захлопала глазами.

– За черное золото! – провозгласил Клим и взял стаканчик.

Жест, какой он произвел при помощи стаканчика, оказался для аборигенов единственным носителем информации, которую они были способны усвоить полностью. Парни торопливо, но культурно разобрали посуду, со сдержанной вежливостью чокнулись и при грубом молчании выпили. Они уже начали понимать, что им выпало некое редкостное везение и не исключена массовая выдача бесплатной водки, и потому решили не бить чужака и молчать, чтобы нечаянно не спугнуть приближающееся счастье.

А Клим стал рассказывать, что в пяти километрах южнее от этого замечательного города найдены большие залежи нефти, о которых вот уже месяц пишут газеты и взахлеб рассказывает телевидение, и уже получено разрешение правительства на создание здесь крупнейшей нефтедобывающей корпорации, и теперь во весь дух идет набор рабочих и персонала, и лично Климу поручено подобрать крепких ребят из числа жителей города, адаптированных к местным климатическим условиям... Аборигены трезвели прямо на глазах и мучительно пытались разглядеть лица, дабы избавить их от застарелых дебильных выражений. Уже добрая часть зала с удивлением пялилась на крайний столик, и девушки нервно постукивали каблуками о дощатые полы, выражая недовольство тем, что Кабан почему-то медлит, почему-то не разбивает стулья о голову незнакомого молодого человека.

Любопытство в зале достигло такой концентрации, что многие посетители забыли про амбразуру и, прижимая стулья к задницам, стали тихонько подкрадываться к столу, чтобы послушать, о чем идет речь. Кто-то рывкнул, чтобы Тонька сделала музыку потише, кого-то чрезмерно пьяного и шумного выставили на улицу. Клим окружили плотным кольцом. На столе появились бутылки с каким-то бурым пойлом и холодные пирожки с картошкой, которые местные почему-то называли пищей. Климу уже не хотелось ни есть, ни пить. Более всего на свете он любил благодарных слушателей и, когда видел обращенные на себя влажные взоры, испытывал чувство, схожее с творческим экстазом. Он с упоением рассказывал про баррели, про нефтеперерабатывающие комбинаты на десятки тысяч рабочих мест, про божественную мудрость, благодаря которой маленький и трудолюбивый народ получил в свое владение залежи бесценных природных ископаемых.

Ближе к полуночи, когда желание трудиться в нефтедобывающей отрасли изъявили все до единого посетители кафе, включая бесплотную тень, торчащую в амбразуре, Клим велел потенциальным соискателям завтра утром написать на имя генерального директора АО «Трансконтинентальнефть» заявление о желании работать. Аборигены отхлынули от стола в поисках ручки и бумаги, чтобы записать трудные слова. Огрызок карандаша и несколько картонных тарелочек выдала из амбразуры бесплотная тень, и за этим добром сразу выстроилась очередь. Кто-то изловчился писать углем от полусгоревшей спички, кто-то царапал гвоздем на стене в надежде завтра утром переписать это на лист бумаги. Все очень торопились, потому как Клим предупредил, что число рабочих мест ограничено. В конце концов карандашный огрызок был разломан на несколько частей, картонные тарелки разорваны на клочки, и в кафе воцарилась тишина школьного урока.

Если слова «генеральный директор» соискатели еще могли кое-как изобразить в письменном виде, то «Трансконтинентальнефть» у них решительно не получалось. Камнем преткновения стали буквы «н» и «т», количество которых у всех было разным. Кабан, как и предполагал Клим, оказался тупее всех. Он с утробным рычанием ходил по залу с карандашным огрызком и клочком картона и искал, у кого можно было бы списать трудное слово. Увидев, что большинство его соплеменников облепили стол, посреди которого лежал выданный Климом образец, Кабан принялся расшвыривать конкурентов во все стороны, пробиваясь к заветной бумажке.

Клим почувствовал, что хорошо отдохнул, расслабился и водка уже прилично дала по мозгам. Теперь он думал о кровати, но еще не знал, как бы ему без излишней помпы

выбраться на улицу и дойти до домика, уютно спрятавшегося в яблочном саду. Но тут вдруг едва различимое шуршание карандашей разорвал пронзительный вопль:

– Братва, опаринские пришли!!!

Тревога оказалась сильнее желания аборигенов стать нефтяными магнатами. Все побросали бумажки и карандаши и расхватили валяющиеся повсюду пустые бутылки. Кто-то ринулся к выходу, но оттуда в зал влетела собачья конура без крыши, а вслед за ней ворвались молодые люди, и их можно было бы принять за братьев-близнецов, если бы их не было так много. Кто-то размахивал обрывком собачьей цепи, кто-то крутил в руке черенок от лопаты, кто-то прицеливался увесистым кирпичом; началась массовая драка, и уже завопили первые жертвы, и со звоном разбились о стену первые бутылки, и пронзительно запищали девушки, и повалились на пол столы и стулья. На окно амбразуры тотчас опустилась тяжелая стальная створка. Кровавые плевки налипали на стены и потолок. Громкий мат стал основным языком общения. Присев за опрокинутым столом, Клим раздумывал, как ему выбраться наружу и при этом сохранить лицо в целости. Участие в междоусобной войне в его планы не входило. Остро проявивший себя инстинкт самосохранения придал его сознанию необыкновенную ясность. Клим додумался схватить за ножки стол. Прикрываясь им как щитом, он стал пробиваться к двери. Несколько раз вместе со столом его кидали на пол, но Клим чувствовал себя как в танке и не сильно беспокоился. Хуже оказалось в дверях, через которые пролезть со столом не было никакой возможности. Пришлось бросить стол в дерущихся и тараном пробиваться на улицу.

Получив несколько чувствительных оплеух и пинков, Клим благополучно выбрался из кафе, быстрыми шагами дошел до ближайшего угла и там обернулся, чтобы напоследок полюбоваться баталией. Но это он сделал зря. Тотчас он почувствовал, как его крепко схватили за руки. Клим закричал от боли и согнулся в три погибели. Согнувшись, увидел ноги тех, кто на него напал: черные форменные ботинки и милицейские брюки.

– Я здесь ни при чем, – попытался объясниться Клим, но его не слушали и, не позволяя выпрямиться, потащили за угол, где в темном переулке затаилась милицейская машина. Перед тем как закинуть Клима в кузов, милиционеры врезали ему дубинкой по ребрам. Клим снова взвыл и упал на металлический пол. Дверь за ним захлопнулась, и машина тотчас тронулась с места.

Поглаживая ушибленный бок, Клим перебрался на скамеечку. Он волновался только за целостность своих ребер и был уверен, что его скоро отпустят. Он-то здесь при чем? Местная молодежь выясняет отношения, а он случайно оказался в кафе. Паспорт у Клима с собой, студенческий билет тоже. Через час отпустят. Или даже раньше. Плохо, что уютная кровать отодвигается на некоторое время. А спать здорово хочется. Клим уже забыл, когда нормально спал. На лекциях разве что.

Преимущество маленьких поселков в том, что там все рядом: и кафе, и отделение милиции, и больница, и кладбище. Минут через пять машина остановилась, дверь распахнулась, и Клима пригласили на выход. Едва он спрыгнул на землю, как снова почувствовал дубинку на своей спине. Правда, удар был слабый, почти ласковый, какой-то трогательно-отеческий. Словно ему заботливо шепнули: ну что, оторва, похулиганил? размял свою косую сажень? и когда ты только ума-разума наберешься?

Его завели внутрь, в тесное помещение без окон, с тусклой лампочкой под потолком, и приказали вывернуть карманы. Клим смог вывернуть только два передних кармана на джинсах, потому как задние не выворачивались. Он так и сказал милиционерам, однако ему посоветовали не умничать, поставили лицом к стене и обыскали. Паспорт с кировской пропиской и студенческий билет большого впечатления на милиционеров не произвели, и они даже намеком не обмолвились, что собираются в ближайшее время отпустить Клима на волю.

Его препроводили в какой-то класс, где вместо доски висела карта района, показали на ведро и тряпку и велели вымыть окна. Окна было три, к такой работе Клим привык, так как после каждой сессии он вместе с сокурсниками мыл окна в аудиториях и общежитии. Через час окна сверкали девственной чистотой, своей прозрачностью ничуть не уступая горному ручью. Милиционер, принимавший работу, сказал «зер гут!» и порекомендовал вымыть коридор на первом этаже столь же добросовестно.

Коридор дался Климу тяжелее, он был длинным и неимоверно грязным. Воду пришлось менять раз десять.

– Да ты же просто гений! – воскликнул милиционер и привел полюбоваться результатом работы всю бодрствующую часть отделения.

Клим осознал свою ошибку слишком поздно. До него здесь никогда не было так чисто. Ему поручили вымыть коридор на втором этаже, затем мужской туалет и в довершение, когда уже начало светать, комнату для задержанных. В ней же Климу разрешили немножко подремать.

Глава 3

Разбудил его нежный девичий голосок, но Клим еще долго не открывал глаза, полагая, что голос ему лишь снится. Все тело ныло, особенно давали о себе знать ребра с левой стороны, к которым милиционер приложился дубинкой. В комнату проникал солнечный свет. Он разлился по потолку в виде золотой трапеции, поделенной на квадратики, напоминая чем-то ученическую тетрадь в клетку. Клетки были повсюду – на окне, на дверях и дальше, за дверями. Клим подумал, что эта комната не самое плохое место для ночлега, вот только спал он мало. А так можно сказать, что у него был отдельный номер.

Он сел на нарах и стал протирать глаза. Через решетку, сваренную из кусков арматуры, он видел дежурку с мутным окошком. Над ним склонилась худенькая девушка с короткой мальчишеской стрижкой.

– Может, еще что-нибудь интересненькое вспомните, Игорь Михайлович? – говорила она, заглядывая в овальную прорезь, где покачивалась широкая, с тугими краями фуражка.

В ответ фуражка громко зевнула. Девушка улыбнулась.

– Намаялись? Устали? Я вас понимаю...

– Пиши! – сказала фуражка решительно. – В прошлый четверг... а какое число было в прошлый четверг? В общем, пиши так: нигде не работающий гражданин Митевахин с целью добыть деньги для совершения акта опохмеления...

– Ну, я напишу просто: «решил опохмелиться»...

– Ты пиши, как я тебе говорю – правильным, нормальным русским языком, а не своевольничай! Ничего он не решал! Этого организм требовал!

– Хорошо, Игорь Михайлович, – кивнула девушка и склонилась над потрепанным блокнотом. – «Для совершения акта опохмеления...»

– ...совершил проникновение в недвижимое имущество, предназначенное для содержания в нем домашних животных, в частности свиней, где им было совершено преступление в виде хищения... в скобках – присвоения... чужого имущества в виде одной свиньи неоднократно...

– Не торопитесь, пожалуйста, я уже запуталась... Почему неоднократно? Он что, одну и ту же свинью несколько раз похищал?

– А я тебе о чем уже полчаса толкую? Это у него четвертая или пятая попытка. Но каждый раз бабка его догоняла и свинью отбирала. Так и в этот раз.

Девушка вздохнула и закрыла блокнот.

– С такой криминальной хроникой меня редактор на порог не пустит.

– А вам, корреспондентам, только убийства подавай? Вы от жизни оторваны! Вы в суть происходящих явлений не смотрите! А в этом похищении свиньи, может быть, краеугольный смысл всей нашей жизни таится!

– Да я понимаю...

– Ничего ты, Таня, не понимаешь... Ну хочешь, поговори с нашим задержанным. Он был задержан сегодня ночью в момент нанесения легких телесных повреждений. Прибыл к нам из города Киров без определенных на то мотивов.

Девушка обернулась и посмотрела через решетку на Клима, как смотрят посетители зверинца на обыкновенную дворнягу, зачем-то посаженную в клетку. В ее глазах можно было заметить уныние. Клим подморгнул ей, но лицо его оставалось покрытым сенью тихой печали.

– Я корреспондент газеты, – представилась она, подставляя табурет к решетке. – Здравствуйте!

– Я не люблю это приветствие, – поморщился Клим. – Лучше уж «привет» или «салют».

– Почему ж так?

Клим стиснул зубы, как от боли, и прикрыл глаза. Девушка подумала, что он мучается от похмелья. Когда она разговаривала с задержанными, они всегда мучились от похмелья.

– А можно у вас узнать, зачем вы приехали в наш поселок? – спросила она после паузы, в течение которой раздумывала, уйти ей сразу или попытаться разговорить этого неопрятного парня в пыльных джинсах и мятой футболке.

– С таким же успехом я мог бы приехать в любой другой, где меня не знают. Только среди чужих я могу спокойно работать, ходить не таясь и не опасаться, что люди будут от меня шарахаться и кричать в спину унижительные прозвища.

Девушке Тане кровь из носу нужно было набрать фактуру для подборки «Криминальная хроника». Газета, в которой она работала, называлась «Сельская новь» и выходила три раза в неделю. Материалы про заготовку сена, надой молока и сбор черешни давались ей легко, а вот «Криминальная хроника» забирала у нее уйму времени, заставляя разъезжать по всему району в поисках интересных фактов. Палитра правонарушений в районе состояла в основном из пьяных драк, но редактор требовал жареных фактов и сенсаций. Раздумывая о том, стоит ли тратить время на очередной рассказ о пьяной драке, корреспондентка Таня не совсем поняла, что ей сказал Клим.

– Простите, что вам кричат? – спросила она.

Клим горько усмехнулся.

– Вы хотите унижить меня с помощью вашей газеты? Хотите, чтобы и в этом тихом городке все узнали, что я болен СПИДом?

Таня вскинула голову, посмотрела на Клим с напряженным недоверием.

– Вы? – переспросила она. – Разве...

Она хотела сказать, что больные СПИДом, по ее мнению, выглядят как-то иначе, чем Клим, но осеклась. Клим хмыкнул и покачал головой.

– Видите, вы тоже невольно отодвинулись от меня подальше. Страшно ведь, да?

– Нет, что вы! – неуверенно возразила Таня, густо краснея. – Просто я... Я не думала...

– Вы не думали, что внешне пышущий здоровьем молодой человек может быть смертельно болен? Что ему осталось жить ровно один месяц? – подсказал Клим.

– Один месяц? – ахнула Таня.

– Увы, всего один месяц, – упавшим голосом ответил Клим и, не справляясь с нахлынувшими слезами, прижал ладони к лицу. – Процесс стал необратимым... Врачи рассчитали точно...

Она сидела на табурете, не смея пошевелиться и что-то спросить. Но Клим быстро взял себя в руки, вытер глаза, извинился за минутную слабость и даже попытался улыбнуться.

– В конце концов, – сказал он, – месяц – это не так уж и мало, если с пользой для дела использовать каждую минуту. А здесь мне хорошо работается. Здесь меня никто не знает.

Таня смотрела на него и грызла кончик карандаша.

– Скажите, сколько вам лет? – тихо и осторожно, чтобы ненароком не обидеть, спросила она.

– Двадцать пять. А когда я заразился, мне было девятнадцать... Я служил в морской пехоте на Тихом океане. У нас были маневры с высадкой десанта. Один парень – позже мы узнали, что он наркоман, – упал с бронетранспортера в ледяную воду. Я нырнул за ним, спас его и вытащил на своих плечах на берег. Мы оба чуть не погибли. Санструктор там же, на берегу, вколол нам протившоковое лекарство. Сначала тому парню, а потом мне. Той же иглой, потому как другой у него не оказалось...

Клим замолчал. У него перехватило в горле, он покрутил головой и оттянул ворот майки, чтобы было легче дышать.

– Какой ужас, – прошептала Таня. – Вы спасли человеку жизнь, а сами... а сами...

– Когда врачи объявили мне, что я обречен, – продолжал Клим, судорожно заламывая пальцы, – я сначала хотел покончить собой. Меня отговорили. Лечащий врач сказал мне: «Ты еще можешь много прожить! Борись, Клим! Не сдавайся!» И я стал бороться... Эх, Танюша! Если бы вы знали, что самое страшное – вовсе не ожидание смерти. Самое страшное – это жестокость людей.

– Жестокость? – удивилась Таня. – О какой жестокости вы говорите, если заслуживаете только сострадания?

– Вы очень милая девушка. У вас чистая и непорочная душа. Может быть, вы правы. Но когда я вернулся в родной город, в родной дом, то о моем диагнозе знал уже весь район. Родители встретили меня в респираторах и резиновых перчатках. Я прожил дома три дня. Это были ужасные дни! Посуду, которой я пользовался, предметы, к которым я прикасался, мама каждое утро относила на мусорную свалку. На четвертый день, когда я вернулся с прогулки, дверь мне никто не открыл. Был поздний вечер, я промок под дождем, меня лихорадило. Я стучал в дверь, умолял впустить меня, но безрезультатно. Я слышал только, как скрипят половицы за дверью. И вдруг я увидел, как из замочной скважины вылезают скрученные трубочкой доллары. А потом и записка... До сих пор она стоит перед моими глазами...

Он замолчал, подогревая нетерпение и любопытство Тани.

– И что же в ней было написано? – шепотом произнесла девушка.

– «Сынок, тебе лучше снять отдельную квартиру».

– Я не могу в это поверить! – вконец расчувствовалась Таня и приложила ладони к пылающим щекам. – Родители выгнали больного сына из дома! Как бесчеловечно!

– Но это было только начало, – убийственным голосом продолжал Клим, сковыривая ногтем засохшую ссадину на локте. – А дальше...

– Погодите! – вдруг с волнением произнесла Таня и с мольбой заглянула в глаза Климу. – Вы позволите, я запишу ваш рассказ на диктофон? Можете мне поверить, что я не упомяну ни вашей фамилии, ни имени, я даже не обмолвлюсь, где...

– А почему не упомянете? – равнодушно пожал плечами Клим. – Можете упомянуть. Вы понимаете, что мне остался всего месяц жизни? И я уже прошел через все. На свете нет более смелого человека, чем я, потому что мне уже нечего терять. Обязательно упомяните мою фамилию – Клим Нелипов.

– Если вы так хотите... – неуверенно произнесла Таня.

– Я настаиваю!

Таня не могла верить в такую редкую журналистскую удачу. Таясь, будто делала что-то постыдное, она нажала на кнопку записи и протянула диктофон к решетке. Клим вошел в раж. Он вдохновенно рассказывал о том, как трусливые негодяи исписали весь его подъезд похабными фразами, среди которых самой безобидной была «Убирайся вон, гадкий спидоносец!»; как отвернулись от него все его друзья и знакомые; как продавщицы в магазине отказывались отпускать ему товар, чтобы не брать из его рук деньги; как о его болезни пронюхали в институте и недобрые студенты очертили его стол кругом, да еще присыпали его хлоркой; как лечащий врач отказался делать ему уколы и сказал: «Все равно скоро подохнешь, зачем зря дорогие лекарства переводить?» Таня сначала плакала тайком, потом перестала скрывать слезы, и они текли ручьями по ее загорелым щекам. Вот оно, вот оно, пронзительное острие жизни! Столько лет Таня проработала в газете, но только сейчас поняла, что писала она вовсе не о том, о чем надо было писать. Кому нужны были ее скучные рассказы об уборке сена? Зачем она переводила бумагу на очерки о доярках и комбайнерах? Героями ее прежних опусов были здоровые и, в общем-то, счастливые люди. Непозволительно счастливые, вызывающе счастливые, преступно счастливые, если сравнивать их с Климом Нелиповым. «Теперь моими героями станут другие люди! – глотая слезы, думала Таня. – И на сколько меня хватит, я буду пропускать чужую боль и страдания через свое сердце!»

– А сюда я приехал для того, чтобы закончить свой последний, итоговый, завершающий роман, – говорил Клим. – Ведь я писатель.

– Писатель? – изумилась Таня и посмотрела на Клима с благоговением. Ей даже в голову не могло прийти, что она разговаривает с такой яркой, одаренной личностью. – И что... вы уже давно пишете?

– С прошлого года. А до этого у меня вообще не было никакой тяги к литературе. Но однажды я попал под сильную грозу и укрылся от дождя под деревом. И в это дерево неожиданно ударила молния. Я потерял сознание. Лежу я на траве и слышу какой-то странный голос, идущий как бы из самого меня: «Ты будешь писателем! Встань – и пиши!» Не помню, как я добрался до дома. Дня три я провалялся в постели, меня лихорадило. А потом все как рукой сняло. И я почувствовал неудержимую тягу к писательскому труду. Купил в магазине дюжину карандашей (а пишу я только карандашом), пачку бумаги и засел за работу. За шесть месяцев я написал шесть романов. Да вы наверняка читали их!

– Наверняка, – стыдясь своей интеллектуальной ущербности, скомканно ответила Таня. – Но в нашем поселке с книгами трудно. А в библиотеке только старые издания.

– Я вам пришлю несколько своих романов, – пообещал Клим и с печалью добавил: – Если, конечно, успею...

– Скажите, а о чем ваш... – загорелась Таня и чуть было не сказала «ваш последний роман». – О чем роман, над которым вы сейчас работаете?

– Я исследую параллели жизни, – ответил Клим и, чтобы Тане было понятней, поднял руки над головой, будто хотел схватиться за ветку дерева. – Изучаю паранормальные явления, происходящие в душе людей, когда человек стремится к одной цели, приходит к совершенно другой, а окружающие его люди считают, что он добился третьего.

– Как интересно! – прошептала Таня, хотя ничего не поняла.

– Это очень интересно! – подтвердил Клим. – Я задумал этот роман несколько месяцев назад. Сначала я хотел посвятить его милиции, но потом передумал. Сейчас роман в завершающей стадии. Мне осталось прописать несколько кульминационных сцен и плавно перейти к развязке...

Клим мог рассказывать о своем романе бесконечно долго, но в диктофоне закончилась кассета. И милиционер с ведром и тряпкой подошел к решетке. Пришлось закругляться. Таня спрятала диктофон в рюкзачок, вытерла слезы, высморкалась и про себя решила, что ее статья будет называться жестко и прямолинейно: «Творец и бесчеловечность».

– Я вас обязательно найду! И поговорю с начальником, чтобы вас поскорей отпустили! – пообещала она Климу и просунула через решетку руку.

– Так странно, – произнес Клим, глядя на тонкую ладонь девушки. – Разве вы не боитесь?

Он бережно пожал один пальчик. Таня ушла. Милиционер сказал, что приближается время завтрака, но дармоедов бесплатно никто кормить не будет, и со значением постучал по дну ведра, как в барабан. До завтрака Клим успел вымыть дежурное помещение и два окна в кабинете начальника. А когда ковырял прилипший к тарелке холодный комок перловой каши, похожий на заспиртованный мозг обезьяны из природоведческого музея, то думал, что ради такого завтрака не стоило стараться. Он надеялся, что, покормив, его тотчас отпустят, но Клима посадили в милицейскую машину и завезли в какой-то двор, обнесенный высоким глухим забором. Тут было полно всякой живности, под ногами носились куры, захлебывался в гневном лае цепной пес, в клетках, до половины засыпанных травой, дрожали нежные кролики. Климу здесь понравилось, и он невольно сравнил этот двор с Ноевым ковчегом. Опустившись на корточки, он принялся гладить худого и ласкового кота с крупной вытянутой головой, но милиционер, который его привез, похлопал Клима по спине, вручил вилы и отвел в сарай.

Там, в темноте и зловонии, Клим перекидывал навоз из свинского загона в маленькое окошко. Работа была тяжелая, кроссовки погрузились в коричневую жижу, Клим слегка подташнивало, и он сдержанно порадовался тому, что не обожрался перловкой за завтраком. Вонзая вилы в теплую субстанцию, которая прошла долгий путь по внутренностям свиней, Клим старался думать о чем-то приятном и возвышенном. Например, о Тане. Симпатичная девочка. Интересно, она замужем или нет? А какая ранимая душа! Ей нужен очень добрый и ласковый муж, чтобы любил и жалел ее. Вот только мальчишеская прическа ей совсем не идет. От короткой стрижки веет чем-то тифозным или уголовным, и шея кажется слишком тонкой. Ей бы косу до пояса...

Клим захотел пить, воткнул вилы в землю и вышел из сарая. Милицейская машина уехала, по двору с ведрами и тазиками ходила хозяйка. Она лихо давила резиновыми сапогами гусиные и собачьи колбаски, успевая почти одновременно стирать в оцинкованном тазу, подсыпать курам зерна и подкидывать кроликам листья одуванчиков. А она ничего, подумал Клим, еще крепенькая. Он скрестил на груди руки, оперся спиной о разогретую на солнце бревенчатую стену сарая и стал следить за женщиной. Она не сразу обратила на него внимание, вздрогнула, машинально поправила на голове косынку и проворчала:

– Вот еще... уставился...

– Водички принесите, хозяйюшка! – ласково попросил Клим.

Женщина зашла в сени, вынесла оттуда черпак с водой.

– Что-то я тебя не припомню, – сказала она, глядя, как Клим пьет и как ходит вверх-вниз кадык на его шее.

– Это потому, что вы меня не за того принимаете, – рассмеялся он, вытирая губы и возвращая черпак. – Я не задержанный, а свой, милиционер. Из областного УВД. Мы с вашим мужем года два назад познакомились. На соревнованиях по стрельбе.

– А я думаю, почему мне лицо твое незнакомо... Наших я как облупленных знаю. Многие тут у нас по пять и даже по десять раз бывают. А что ж мой-то меня не предупредил?

– Замотался на работе, – пояснил Клим. – Там опять аврал. Вчера вечером в «Алик» снова драка была.

– Там что ни вечер, то драка, – махнула хозяйка рукой. – Мы уже привыкли.

– А я в отпуске, – сказал Клим, стряхивая с майки солому. – Заехал к вашему мужу, предложил ему в баньке попариться. Он рад бы, да дел, говорит, невпроворот, да еще по дому работы полно, навоз выгружать надо. А мне что? Я в отпуске, у меня времени – вагон. Мне другу помочь в радость.

– Вот он у меня всегда такой! – заволновалась женщина, думая о том, что не совсем красиво получилось. – Никогда не предупредит заранее! Я бы стол накрыла, если б знала, что у нас будут гости.

– А кто мешает это сделать сейчас? – риторически произнес Клим. – Где тут у вас руки помыть можно?

Она заторопилась в дом за полотенцем, а Клим пошел смотреть кроликов. «А ничего баба, – думал он про хозяйку. – Коня на скаку точно остановит. За такой глаз да глаз нужен».

Он помыл руки, вытер о траву кроссовки и зашел в дом. Хозяйка вскрыла банку с солеными огурцами, крупно порезала картошку, растопила в сковородке свиной жир. Над плитой за клубился удушливый дым. Сковородка шипела и стреляла.

– Я помогу, – сказал Клим и взялся отнести в комнату тарелки и банки. По пути он выудил два крепеньких, в пупырышках огурчика и съел их. Потом стал рассматривать фотографии в рамках. Почти на всех присутствовал милиционер. Где-то он был худым, где-то уже толстым, но фуражка на всех снимках не менялась. Клим попытался представить, как выглядело бы лицо милиционера, если вместо фуражки приставить оленьи рога. Вышло неплохо, только пришлось бы подбирать другую, более вытянутую кверху рамку.

– Это Митя сфотографировался в Ростове, когда на сборы ездил, – пояснила хозяйка, заметив интерес Клима к портрету мужа.

– И часто он ездит в командировки?

– Да случается, что раз в месяц. Бывает, что реже.

– Это хорошо, – почему-то решил Клим. – Значит, я еще буду приходить к вам.

Хозяйка некоторое время раздумывала над словами гостя, стараясь понять, что он имел в виду. На столе появились тарелка с жареной картошкой, залитая в смальце домашняя колбаса, глазунья, по цвету похожая на закатное солнце, соленые подберезовики с колечками лука, розовые пластинки сала с чесноком, пучок зеленого лука и бутылка водки.

– А мы что ж, Митю ждать не будем? – спросила хозяйка, когда Клим сел за стол и скрутил бутылке пробку.

– С Митей вы еще успеете.

Он налил водку в стаканы. Хозяйка смотрела на него и думала, что у Мити появился хороший друг, который, не исключено, поможет перебраться в областное УВД, где и оклады повыше, и есть перспектива получить квартиру в городе. Клим думал о другом. Нанизывая на кончик вилки блестящую шляпку грибочка, он размышлял, правильно ли поймет его хозяйка, если он попросит ее закрыть дверь на крючок. Хозяйка поняла его правильно. Спустя некоторое время, пролетевшее для обоих исключительно быстро, хозяйка торопливо поправляла покрывало на кровати и взбивала, как сливки, примятые подушки. Клим посоветовал ей убрать все со стола, и на этот раз хозяйка снова правильно его поняла.

Клим вернулся в свинарник и попытался выдернуть вилы, которые торчали в дерьме. С первого раза это не удалось, как и со второго, и с третьего. Климу нестерпимо хотелось спать, глаза его закрывались сами собой, он покрутил головой в поисках сеновала, но тут увидел в дверном проеме милиционера.

– Что-то ты плохо работаешь, – сказал тот. – Ничего не сделал.

– Ну, это с какой стороны посмотреть, – пробормотал Клим и пожал плечами.

Через маленькое окошко в милицейском «уазике» Клим глядел, как удаляется, тает в клубах пыли домик за высоким забором. От обеда, который предложили ему в отделении, он отказался, сославшись на религиозные мотивы, и до самого вечера подметал корявой метлой милицейский двор. Несколько раз он засыпал, опершись на метлу как на фонарный столб, но его будили грозными окриками из окна.

Оказавшись в камере, Клим немедленно лег на нары и тотчас заснул, несмотря на то что у него появился сокамерник, который настойчиво знакомился и выпытывал у Клима, за что тот мотает срок.

Глава 4

Проснулся он от того, что милиционер дергал его за ухо.

– Вставай, звезда районного масштаба, – ласково приговаривал он. – За тобой пришли.

Клим решил, что его снова собираются отправить на исправительные работы. Он тотчас со сладостным томлением в душе вспомнил о подушках и колбаске в смальце и спросил, есть ли разрядка в свинарник.

– Нет, только в морг, – ответил милиционер.

В дежурке Климу выдали паспорт, студенческий билет и плеер. Все двери перед ним распахнулись, и в глаза ударил солнечный свет.

– Смотри мне! – напутствовал его милиционер и на всякий случай погрозил пальцем.

Клим вышел за ограду и увидел Таню. Девушка с мальчишеской стрижкой стояла поодаль и, покусывая губы, смотрела на Клима. Казалось, она ждала, как он поведет себя, узнает ли ее и захочет ли с ней разговаривать.

– Привет! – сказал Клим и взмахнул рукой. Таня была в джинсах и розовой кофточке. На плече висел большой кожаный кофр.

– Здравствуйте, – ответила она, быстро подойдя к Климу. Глаза ее блестели и были подвижны. Она рассматривала его лицо с тем предельным вниманием, с каким решают ребус. – Как вы себя чувствуете?

– Как человек, которому отпущено двадцать восемь дней, – сказал Клим с завидным мужеством. – Давай перейдем на «ты»?

– Давай... А у вас... а у тебя найдется немного времени? – спросила она и тотчас смутилась, ибо вопрос был сродни вымогательству денег у нищего. Румянец залил ее щеки и спустился по шее на грудь. – Вы меня, конечно, простите...

Клим рассмеялся, обнял Таню одной рукой.

– Не волнуйся. В конце концов, для человечества это не будет слишком ощутимой утратой.

– Это ужасно, что вы... что ты говоришь, – выпалила она и чуть уши не закрыла ладонями.

– Ну, так что? – сменил тему Клим. – Я в твоём распоряжении.

Таня кивнула и стала торопливо расстегивать замок на кофре. Замок капризничал, девушка нервничала, покусывала губы.

– Да ты не торопись, – попытался успокоить ее Клим. – У меня же двадцать восемь дней, а не двадцать восемь минут.

Наконец замок открылся. Таня вынула из кофра газету, развернула ее и показала Климу.

– Вот. Это про вас... Если хочешь, почитай.

Ей с трудом дался легкий и необязательный тон, каким говорят о чем-то малозначимом. Клим взял газету и вслух прочитал:

– «Творец и бесчеловечность. О драматической судьбе молодого писателя Клима Нелипова». – Он поднял глаза и с удивлением посмотрел на девушку: – Это про меня, что ли?

– Про вас, – кивнула Таня. – Я очень старалась. Конечно, вам может не понравиться, и вы меня, пожалуйста, простите, если заметите какие-нибудь огрехи. Но я написала этот очерк на одном дыхании и от всего сердца, и я сама так переживала, что даже... даже...

Она не смогла договорить, отвернулась и тихо всхлипнула. Клим почувствовал, что у него чешется лоб, и принялся скрести его ногтями. Потом у него нестерпимо заныл затылок. Он еще раз глянул на заголовок, затем сложил газету в несколько раз и затолкал ее в карман.

– Обязательно прочитаю, – пробормотал он, машинально проверяя другой карман. – На досуге.

Денег у него не было. Ни копейки. А Танюшу следовало бы угостить мороженым. Клим посмотрел по сторонам, лихорадочно раздумывая о том, как бы сделать девушке приятное бесплатно.

– Читатели очень хорошо восприняли этот материал, – сказала Таня, прижимая платок к носу. – Просто фурор какой-то! Сегодня с самого утра в редакции разрывается телефон. Люди спрашивают, как вам можно помочь, где можно найти ваши романы... Весь тираж разошелся за один час. Редактор отправил в типографию заявку на допечатку.

– Хорошие у вас читатели, – пробормотал Клим.

– И я подумала, что, может быть, мне удастся организовать акцию по сбору средств вам на лекарства.

– Что-то очень жарко, – произнес Клим, похлопывая себя по груди. – А у вас тут есть какая-нибудь речка или озеро?

– Речка? – машинально переспросила Таня, удивляясь тому, какие приземленные желания могут возникнуть у этого необыкновенного человека. – Речка есть, но не очень глубокая. Совсем даже мелкая, там даже гуси лапами до дна достают. Но я вас хотела пригласить к нам в редакцию. Это не займет много времени.

– Нет, в редакцию не хочу, – категорически отказался Клим.

– Я вас очень прошу! – взмолилась Таня, прижимая руки к груди. – Редактор мне сказал: делай что хочешь, но чтобы он был у нас. Весь редакционный коллектив собрался, все ждут вас.

– Давай на «ты» перейдем.

– Хорошо, давайте, только пообещайте мне, что поедете со мной! Всего десять минут езды!

И Таня показала на хорошо отмытый, но старый желтый «жигуль», на ветровом стекле которого стояла картонка со словом «Пресса».

– Уболтала, – согласился Клим, правда, без особого энтузиазма.

Они сели в машину. Таня посоветовала Климу чуть опустить спинку кресла, чтобы ему было удобнее. Они проехали мимо автостанции, и Климу показалось, что он был здесь много-много лет назад. От запыленных автобусов веяло чем-то родным. Клим попытался разглядеть за торговыми прилавками продавщицу яблок, но «жигуль» мчался слишком быстро и уже через минуту выехал на центральную площадь. Рядом с памятником шевелилась небольшая толпа. Клим сначала подумал, что это митинг, но вдруг узнал в толпе свирепое лицо Кабана. Клим понял, что его неминуемо убьют. Он вспомнил, как сам велел аборигенам во главе с Кабаном принести к памятнику заявления о приеме в нефтедобывающую компанию. «Прийти они должны были вчера, – подумал Клим. – Выходит, они ждут меня здесь уже вторые сутки!»

Он попросил Таню остановиться у памятника и вышел из машины. Аборигены узнали его и, не выказывая особой радости, обступили со всех сторон. Не дожидаясь, когда они начнут выяснять у него, почему он опоздал, Клим сразу перешел в наступление. Повернувшись к Кабану, от которого разлило бойцовским потом, Клим с возмущением произнес:

– Хоть бы кто-нибудь заступился за меня, когда милиция отбивала мне почки. – И тотчас перешел к делу: – Заявления принесли?

Не поспевая за ходом его мысли, аборигены стали дружно оправдываться, что им тоже пришлось не сладко, но Клим требовательно и жестко повторил:

– Заявления!

Толпа заткнулась. Кабан шмыгнул носом и, шевеля мохнатыми бровями, шагнул к Климу.

– Вот они, – буркнул он, протягивая Климу скрученные в одну трубку разнокалиберные бумажки. – Я тут уже предварительный отсев сделал... В общем, остались только конкретные пацаны...

Клим постучал трубкой по ладони, затем посмотрел в нее, как в телескоп, и сказал:

– Хорошо. Ждите моих дальнейших указаний. А я сейчас еду в редакцию на пресс-конференцию.

Он уже повернулся лицом к машине, как Кабан негромко окликнул его:

– Эй, погоди! Тут люди проверили, поспрашивали... Никто ничего про нефть не знает... И вагончиков никаких в степи нет...

– Это провокационные разговоры! – строго заметил Клим и вернулся в машину.

Глава 5

Редактор районной газеты Иван Михалыч напоминал обнищавшего социал-демократа начала прошлого столетия. Он носил усы и клиновидную бородку, очки с толстыми линзами в пластмассовой, местами перевязанной изолентой оправе, а также потрепанный серый пиджачок, на котором не хватало двух пуговиц. Взгляд его был предельно пронизывающим, как у стоматолога, вооруженного бором. Наверное, этому способствовали линзы очков, которые размазывали глаза едва не по всему лицу.

Когда Клим в сопровождении Тани появился в дверях редакторского кабинета, Иван Михалыч встал из-за стола и, чуть подав сухие плечи вперед, пошел навстречу. Из-под усов выглядывала улыбка, больше похожая на усмешку, по которой можно было судить, что редактор юмор ценит, понимает и сам не прочь иногда пошутить. Остановившись напротив молодого человека, Иван Михалыч некоторое время рассматривал его лицо, как если бы это был подарок, врученный ему на юбилей, потом протянул руку.

– Очень рад, – сказал редактор на удивление высоким и молодым голосом, который никак не вязался с его сединой. – А я представлял тебя несколько другим... Впрочем, я, как всегда, оказался максималистом, а гениальность природы как раз в тонкой сбалансированности. Да ладно! Это все в порядке бреда. Присаживайся!

Таня кинулась выдвигать стул для Клима. Обратив внимание на этот порыв, Иван Михалыч попросил ее:

– Э-э-э, Танюша, голубушка! Оставь нас, пожалуйста!

Таня кивнула, хоть и не без сожаления, и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

– Как самочувствие? – спросил редактор. – Может, чаю?

Клим по своему опыту знал, что, когда человек задает два вопроса сразу, это значит, что ответ на первый вопрос его мало интересует. В отместку Клим послал редактору ответный снаряд:

– А что в этом помещении было до революции? Кстати, а какой тираж вашей газеты?

Иван Михалыч, проявляя мудрость, тоже не стал отвечать и некоторое время с интересом рассматривал Клима. Было похоже, что на лице редактора ничего не осталось, кроме огромных насмешливых глаз.

– Танюша – очень талантливый журналист, хотя и чрезмерно впечатлительный, – заговорил он на неожиданную тему. – У нее очень ранимая, очень доверчивая душа, и чужую беду она всегда воспринимает, как личную трагедию. Тебе исключительно повезло, что судьба свела тебя с Таней...

Договорить ему помешал телефонный звонок. Иван Михалыч взял трубку быстрым и нервным движением, как если бы знал, что звонит некий малоприятный зануда или недоброжелатель.

– Слушаю!.. Нет, пока не знаю! Следите за рекламой в нашей газете... Хорошо, я постараюсь... Через час или два... Извините, у меня сейчас совещание...

Он опустил трубку и с отеческим укором взглянул на Клима.

– И вот так весь день, – сказал он, жуя усмешку. – Читателей до глубины души затронула твоя история.

– Если бы они знали, как она меня затронула! – вздохнул Клим.

– Народ спрашивает, где достать твои романы, – как бы не заметив реплики Клима, продолжал Иван Михалыч. Он встал из-за стола и, глядя на пол, словно обронил какую-то важную вещицу, подошел к подоконнику, где пылились заросли кактусов и алоэ. Там же стояли фарфоровый заварник с отбитым носиком и две чашки из разных сервизов. Редактор, придерживая крышку на заварнике, налил черной, как деготь, заварки и разбавил ее кипятком.

ком из чайника. Клим, глядя на него, раздумывал о том, где бы достать романы, которые хотят купить читатели. Думал он очень напряженно, и к тому моменту, когда Иван Михалыч поставил чашку с чаем перед ним, ответ был готов.

– Ну? Так где мы будем доставать твои романы для наших читателей? – повторил редактор вопрос, возвращаясь на свое место.

– В России мои романы вышли очень маленьким тиражом, – ответил Клим, кончиком мизинца вылавливая из чашки плавающую там мусоринку. – В основном они издавались за границей. В Бельгии, Панаме, Чили, Японии...

– Даже в Японии? – удивился Иван Михалыч.

– Сам диву даюсь, – признался Клим.

Телефон опять зазвонил. Редактор, прежде чем поднять трубку, выразительно посмотрел на Клима.

– Нет, – устало сказал он в трубку. – Пока не планируем... Кое-какие отрывки мы, возможно, дадим в газете... Покупайте каждый номер, а лучше оформите годовую подписку...

Опустив трубку, он снял очки и стал протирать носовым платком огромные линзы.

– Вот так. Отступить некуда.

– Да, я понимаю, – согласился с утверждением редактора Клим и отхлебнул чая. – А у вас печенья нет?

– Вафли сойдут? – спросил Иван Михалыч и достал из стола начатую пачку.

Некоторое время редактор наблюдал за тем, как гость пьет чай и грызет вафли. Кажется, он готовился к серьезному разговору, так как на очередной звонок не ответил, а лишь приподнял и снова опустил трубку.

– Клим Нелипов, – медленно, как бы смакуя слова и звуки, произнес он. – Неплохое сочетание. Не хуже, чем Клим Самгин... А какая у тебя настоящая фамилия?

– Вовпелин.

– Тоже неплохо... Таня сказала, что сейчас ты много и плодотворно работаешь над новым романом.

– Очень плодотворно, – подтвердил Клим.

– Может быть, покажешь наработки?

Клим призадумался, но никакой причины, чтобы отказать редактору, не нашел.

– Охотно покажу, – кивнул он и нечаянно окунул нос в чашку, которую в этот момент подносил к губам.

– И что, уже есть заголовок? – скользким, как у следователя, голосом спросил редактор.

Клим не успел сказать «нет» и потому сказал «да»; назвать заголовок романа он не смог, так как в голове навязчиво крутились лишь «Творец и бесчеловечность».

– А зачем вы хотите посмотреть мой роман? – вместо ответа спросил Клим.

– Чтобы решить, можно ли его опубликовать в нашей газете.

– Опубликовать? Нет, это вряд ли. Мой роман специфический. В нем я изучаю параллели...

– Знаю, знаю, – остановил Клима редактор. – Я читал об этом в материале Тани. Параллели нас не пугают. Это не причина, чтобы отказаться от публикации романа столь знаменитого автора.

С этими словами он слегка склонил голову, но взгляд, как у самонаводящегося орудия, продолжал целиться в Клима.

Тут в дверь постучали, и в кабинет вошли две крепкие женщины, похожие на шпалокладчиц. Каждая держала позади себя тележку на двух колесиках.

– Здравствуйте! – радостно объявили женщины. – Мы оптовики из Когортинского района. До нас дошли слухи, что вашу газету люди с руками отрывают. Может, продадите нам несколько пачек?

На лице редактора отразились двойственные чувства. Глаза его, безусловно, засветились радостным блеском, но губы судорожно надломились, будто едва сдерживали неприличное ругательство. Он шумно засопел, встал из-за стола и раскрыл створки шкафа, который был наполовину заполнен газетными пачками.

– Сколько вам? – спросил он.

– По паре, – ответила женщина и вынула из джинсовой куртки пухлый кошелек. – А лучше давайте по три.

– А мне четыре! – сказала другая женщина.

Клим уже допил чай и доел вафли, и ничто не мешало ему наблюдать, как продавщицы отсчитывают редактору деньги. Клим даже со счета сбился.

– Неплохо вы на моей беде заработали, – сказал он, когда женщины ушли, волоча за собой свои тяжелые тележки.

Иван Михалыч некоторое время размышлял над упреком, постукивая карандашом по столу, затем поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Приветствую, Василий Иванович! – сказал он, не спуская взгляда с Клим. – Спасибо за информацию, поставим «Криминальную хронику» в следующий номер. А у меня для тебя тоже есть ценная информация. Проводили мы тут журналистское расследование и наткнулись на уникальный случай мошенничества (редактор при этом подморгнул Климу). Да, в нашем районе... Я все как следует проверю, а уж потом доложу тебе по полной форме... Договорились, жди звонка!

Иван Михалыч опустил трубку, надел очки и раскрыл органайзер.

– А почему вы назвали меня мошенником? – попробовал возмутиться Клим, но получилось не слишком сердито.

Редактор снял очки, посмотрел на него и пожал плечами.

– А кто назвал тебя мошенником? – удивился он. – Я назвал? Я не называл.

– И правильно сделали, – вздохнул Клим. – И когда вы хотите, чтобы я принес вам роман?

– Чем быстрее, тем лучше. В любую минуту меня могут вызвать на сборы в область. К тому же читатель хорошо разогрет и готов проглотить любую клюкву.

Клим чуть привстал со стула и вытянул из заднего кармана изрядно помятые заявления аборигенов.

– Бумага у меня есть, – сказал он, разглаживая листочки с чистой стороны. – Но ручки нет. И хорошо бы стол какой-нибудь.

Редактор кивнул и выдвинул ящик. Он вынул пачку денег, которые дали ему оптовики, отсчитал пятьсот рублей, подумал и добавил еще двести.

– Это тебе на ручку, на чай с вафлями и на гостиницу. Она за памятником, найдешь. Я позвоню, чтобы тебя поселили в отдельный номер. Когда принесешь отрывок из романа, получишь вдвое больше.

Клим не стал спрашивать, что будет, если он ничего не принесет, и уважительно пожал редакторскую руку.

Глава 6

– Как долго! – воскликнула Таня, которая все это время ждала Клим в пропахшем табаком редакционном коридоре. – Я уже волноваться начала, что вам стало плохо.

– Мы перешли на «ты», или мне это приснилось? – спросил Клим.

– Простите... То есть прости, – порозовела Таня. – Сейчас мы поедем ко мне обедать.

– Обедать я не хочу, – искренне сказал Клим. Вафли стояли в желудке колом. Наверное, им было столько же лет, сколько и редактору. – Мне нужна ручка и гостиница. И все в срочном порядке.

– Ручку я тебе презентую, – сказала Таня и полезла в кофр. – А гостиница совсем рядом. Наверное, ты хочешь поспать?

– Какой может быть сон! – строго заметил Клим. – Работать, работать и еще раз работать!

Сейчас он не мог думать ни о чем другом, кроме как об Иване Михалыче, который вцепился в него пиявкой. Даже мысли о домашней колбаске в смальце казались сейчас кощунственными. Таня открыла перед ним скрипучую дверь, и Клим, овеванный болезненной славой, вышел в мир. По пути в гостиницу Таня стала рассказывать Климу о достопримечательностях поселка, но он ее не слушал и думал о таинстве творческого процесса. Надо бы как-нибудь ненавязчиво выпытать у нее основные правила: где развязка, где завязка, куда вставить кульминацию... И вообще, с чего надо начинать?

– Я хотел у тебя спросить, – произнес Клим, остановившись у памятника, и тотчас понял, что не имеет права опуститься до того, чтобы брать уроки словесности у журналистки столь мелкого пошиба. – Я хотел узнать, где тут у вас шампанское продается? Надо же нам отметить статью.

– Шампанское? – испуганно произнесла Таня. – А разве вам... тебе можно шампанское?

– Нужно! – ответил Клим и поднял указательный палец. – В шампанском содержатся очень полезные для меня иммуностимуляторы.

Таня обернулась, посмотрела на маленькие, зарешеченные, как в тюрьме, окошки магазинов.

– Иди устраивайся, – сказала она, – а я сбегаяю.

Клим сунул руку в карман, чтобы достать деньги, но Таня отрицательно покрутила головой.

– С меня причитается!

За перегородкой, похожей на барную стойку, сидела администратор гостиницы, читала «Творца и бесчеловечность» и непрерывно вытирала глаза платком. Клим положил на стойку паспорт. Администратор, не отрываясь от чтения, взяла его, одним глазом посмотрела на фамилию и вернула его вместе с ключом. И ни слова больше. Клим медленно пошел к лестнице, продолжая любоваться плачущей женщиной. В женских слезах была какая-то магическая сила. Особенно приятно было осознавать, что женское сердце разрывалось от сострадания к нему. «Вот же как странно, – думал Клим. – Она даже не догадывается, что человек, которого ей так жалко, – это я. Если б признался, то она, наверное, не поверила бы. А даже если бы поверила, то сразу перестала бы плакать. Заочно всегда легче жалеть, чем напрямую».

Он поднялся на третий этаж и вошел в номер. Тут был телевизор, холодильник и душ. А кровать какая! У Клим даже ноги ослабели. Он представил на ней Таню. Отдернул штору, посмотрел на площадь и памятник. Вернулся к кровати, сел и покачался на пружинах. Высший класс.

Он снял футболку, обнюхал ее и поморщился. Редкостная гамма: тут и навоз, и нары, и пот, и дешевые духи милиционерши. Надо стирать. Но это вечером, а сейчас – за работу. Столик у зеркала маленький, не очень удобный, предназначенный для того, чтобы причесываться, бриться и любоваться собой. Клим сел, разложил перед собой чистой стороной заявления аборигенов, взял ручку, которую ему подарила Таня, и крепко задумался. Заголовок будет такой: «Отрезанная почка»... Неплохо, но сразу искажается истина, ведь в его истории ничего не отрезали. Клим добавил к заголовку частицу «не» и получилось «Неотрезанная почка». Подумав еще немного, он приписал в конце «в сметане». Вылепилось что-то омерзительное, от чего Клим чуть не вырвало.

Он тщательно замарал чернилами заголовок и взял другой лист. Эта тема слишком тяжелая. Надо переживать, страдать, воображать злых хирургов. С «почкой» Клим будет до утра умирать над бумагой. А ему хочется шампанского. Впрочем, свободы и денег тоже хочется.

Некоторое время он мучился над выбором... Так дело не пойдет. В голове хаос, а в душе смятение чувств. В таком состоянии не то что роман, а даже объяснительную записку для милиционеров не напишешь... Он откинулся на спинку стула, вставил в уши наушники от плеера и включил воспроизведение. Надо послушать музыку, расслабиться и представить ползущего по пашне раненого деда... Бррр! Что это?

В его ушах ковырялись странные и неприятные звуки, совсем непохожие на музыку. Какой-то скрежет, отдаленные крики, звон стаканов и на этом фоне чей-то хриплый голос: «Я щас вылезу из-за стола и врежу по уху!» А в ответ другой, монотонный и маловразумительный: «Буде тебе, Володян, у меня и без того спина болит, называется, в бане был... По секрету, мужики, скажу, что по случаю крестин Колян запасся мешком водки...» Потом раздался звук льющейся жидкости, который прорезал звонкий голос: «Кто б знал, что на таком богатстве сидим! Мой дед пас и под дождем, и в холод, до самой осени. И заработал сорок пудов хлеба. Но тут начался сбор хлеба для фронта, и все до килограмма пришлось отдать». Вмешался еще один голос: «У моей бабки на прошлой неделе свинка захворала. Лежит на земле и не ест. Бабка позвала ветерана. Он сунул свинье в зад градусник, но тот проскользнул внутрь. Тогда я эту свинью в город отвез и продал!» Хриплый голос, который обещал врезать по уху, мрачно заметил: «Ну и говно ж ты, Микола! Теперь этот градусник кто-то с мясом сожрет!»

Клим догадался, что на кассету каким-то образом записался пьяный разговор с аборигенами в кафе «Алик». Наверное, кнопка записи нажалась сама собой, когда Клима ударили столом. Он перемотал пленку до середины. В этом месте кто-то, едва справляясь с дурацким смешком, рассказывал о своих впечатлениях от полета на самолете: «А потом как глянешь вниз, так аж обосрешься сразу. Надо готовить вторые штаны... Там бывают эти... воздушные ямы. Вот он летит, а потом вдруг как вниз падает. Тогда сразу надо летчика просить: «Дайте мне рвотный кулек...»

Клим перемотал пленку до конца, но там было все то же. Обидно, пропала музыка! Некоторое время он сидел неподвижно, переживая утрату, и вдруг на него снизошло озарение. Он схватил ручку и размашисто написал сверху листа: «ГРАДУСНИК. Отрывок из нового романа».

Перемотав пленку в начало, Клим принялся слово в слово переписывать разговор. Действующих лиц он окрестил названиями животных. Агрессивный обладатель хриплого голоса стал Кабаном, у которого недавно удалили почки; звонкого голоса – Зайцем с завязанными узлом ушами, а тот, кто подсунул мясокомбинату свинью с ртутью, – Подлым Шакалом. Всего набралось семь героев, если не считать двух совершенно пьяных участников беседы, которые время от времени выдавали нечто бессмысленное. В романе они стали фигурировать как братья Бутылка и стакан.

В самый разгар работы в дверь тихо постучались. Клим выключил плеер, надел майку и позволил войти. Таня выглядела так, будто только что преодолела марафонскую дистанцию.

– Я весь поселок обежала, – сообщила она, и ее голос молил о прощении. – Нигде нет шампанского. Говорят, товар неходовой. У нас только водку пьют... Я подумала, может, в Опарино или Когортино съездить? На это часа два уйдет. Потерпишь?

Клим настолько погрузился в работу, что расхотел пить шампанское.

– Не надо никуда ездить, – сказал он, подпирая рукой лоб и глядя на строки. – Ты мне лучше бумаги принеси, а то моя уже кончается.

– Хорошо. Конечно. Сколько угодно!

Она медлила, глядя на Клима как на удивительное, замечательное природное явление.

– А можно я немножко посмотрю, как ты работаешь? – спросила она.

Клим отказал ей решительно.

– Творчество – это интимный процесс, – ответил он. – Я настолько вживаюсь в образы своих героев, что начинаю ходить по комнате, петь, танцевать, плакать. Могу даже начать крушить все вокруг. В общем, любоваться мною в эти минуты просто небезопасно.

Таня взглянула на исписанный лист бумаги, лежащий на столе, прочитала последнюю строчку, содержанием которой было желание Кабана давить опаринских, как колорадских жуков, и прошептала:

– Как интересно! Много бы я отдала, чтобы почитать ваш роман!

– У меня кончается бумага! – напомнил Клим.

Едва за Таней закрылась дверь, Клим снова погрузился в пучину творчества. Сорок пять минут непрерывной болтовни, оказывается, заняли довольно приличное место на бумаге, особенно если учесть, что главные герои часто говорили все сразу, причем о разном. У Клима стала ныть рука, сводило судорогой пальцы, он уже дописывал последний листок, а еще оставалось больше половины пленки.

Снова появилась Таня – возбужденная, сдержанно-взволнованная, с пачкой нераспечатанной бумаги под мышкой.

– Редактора срочно вызвали в область на сборы! – выпалила она. – Я осталась за него. Он поручил мне создать тебе уютную творческую атмосферу.

Она подошла к подоконнику и стала выкладывать продукты: колбасу, сваренные вкрутую яйца, хлеб и теплую картошку в мундире.

– Вот тебе мой домашний телефон, – сказала Таня, кладя визитку на телевизор. – Если что будет нужно, то звони хоть ночью. А я позвоню тебе завтра в обед. Не рано? Я знаю, что писатели поздно встают.

– Я встаю рано, – ответил Клим, заталкивая в рот колбасу. – У меня каждый час на счету.

Он и в самом деле бережно относился ко времени и не встал со стула до тех пор, пока не переписал кассету до конца. Правда, концовка ему не понравилась. Лента закончилась как раз на середине фразы, подразумевающей интригующее продолжение. Делая чудовищные паузы между словами и заполняя их долгим мычанием, Стакан говорил: «А я ее хват за ногу, а она как завизжит...»

На этом запись обрывалась. Клим некоторое время чесал ручкой затылок, думая, как бы придать последней фразе логическую цельность, но так ничего и не придумал и дописал ниже: «Продолжение следует».

Перечитывать шедевр он не стал, и без того Клима мутило, будто он объелся ядовитых грибов. Сложив листы по порядку, Клим вышел в душевую, где долго отмачивал непослушные пальцы в холодной воде. «Если за эту бредятину я получу тысяча четыреста рублей, – думал он, – то согласен каждый день от рассвета до заката пачкать бумагу».

Когда он раздвинул шторы, то с удивлением увидел, что уже наступила ночь. Под тусклым фонарем у входа в гостиницу разлилось желтое пятно. В середине этого пятна, окру-

женные тучей мошкары, лицом к лицу стояли местные парни. Казалось, что это команда из КВН шушукается и тихо спорит, придумывая остроумный ответ соперникам. Клим узнал Кабана по тяжелой челюсти и низкому лбу, Подлого Шакала, Бутылку и других героев своего романа и испытал настоящий восторг. Произошло чудо материализации литературного вымысла! Материализованные герои, однако, вырвавшись из плена мятых листочков бумаги, вовсе не горели желанием отблагодарить своего Творца. Кто-то, заметив движение шторы в окне Клим, вскинул руку и закричал:

– Эй, нефтяник! Выйди на пару слов!

К окну повернулась вся команда. Клим едва успел спрятаться за штору и теперь наблюдал за своими героями через узкую щелочку. Герои курили, и в темноте светились красные огоньки, похожие на глаза кровожадных животных.

– Выходи, побазарим! – закричали все, кому было не лень. – Не бойсь, магнат, больно бить не будем! Расскажи нам еще что-нибудь про вагончики с душем!

Клим тихонько попятился к кровати, выключил свет и накрылся с головой одеялом. «В покое они меня не оставят», – подумал он, впрочем без особой тревоги, и вскоре уснул.

Глава 7

Таня сидела за редакторским столом. Перед ней лежала стопка бумажек, исписанных Климом. Таня смотрела на Клима через стекла очков. Девушка выглядела очень торжественно и церемониально. Она напоминала работницу загса, которая объявляет людей мужем и женой.

– Клим, – произнесла она ровным голосом, с трудом сдерживая волнение. – Я все прочитала. И мне очень нелегко высказать те чувства, которые ваше произведение вызвало во мне.

Пока Таня читала произведение, Клим успел сходить на автостанцию, где выпил несколько кружек пива, и теперь его немного клонило ко сну. Он опустил подбородок на кулак и попытался походить на крупного писателя, который выложился до конца, до капли и теперь пребывает в состоянии возвышенного и умиротворенного удовлетворения.

– Вы... Ты был прав, это очень необычный роман, – продолжала Таня, поглядывая на листок из отрывного блокнота, на котором она сделала какие-то пометки. – Ничего подобного я никогда не читала.

– Значит, не понравилось? – поторопил Клим с выводом, так как ему не терпелось узнать, получит он деньги или нет.

– Что ты! – воскликнула Таня. – Быть может, этот роман многими не будет понят. Признаться, я сама еще не до конца его поняла. В каждой фразе – глубинная философия, не раскрытая до конца мысль, а лишь обозначенная в сути, ее квинтэссенция, намек на полную человеческую драму. Эту книгу надо перечитывать много раз, чтобы докопаться до сердцевины...

Клим тоже не до конца понимал Таню, но в этой взаимной непонятости была какая-то гармония. «Надо же, какая хренотень у меня получилась, – думал он. – Или Таня полная дура, или я в самом деле случайно забацал шедевр».

– И что будем делать? – спросил он.

Таня являла собой символ гражданской ответственности. Она мягко опустила ладонь на рукопись, вскинула подбородок и с полным осознанием значимости момента произнесла:

– Так... Пользуясь правом, данным мне редактором, я принимаю решение опубликовать отрывок из вашего романа.

«Тысяча четыреста, – стал считать в уме Клим, – плюс... А сколько у меня осталось?»

Ему хотелось тотчас проверить содержимое своих карманов, но он подумал, что это будет выглядеть как проявление острого желания получить гонорар, и Тане придется отдать ему свои собственные деньги.

– В завтрашнем номере! – говорила кому-то Таня по телефону. – Да, отправьте заявку в бухгалтерию.

– Мы втрое увеличим тираж завтрашнего номера, – говорила Таня уже Климу. – Заявки идут не только из района, но и со всей области.

«А может, все дело в читателях? – думал Клим. – Это они такие дураки?»

Тут он вспомнил про жену милиционера и сказал Тане, что хотел бы до вечера поработать над романом. Таня загрустила и сразу перестала быть похожей на работницу загса.

– А я хотела пригласить тебя к себе на обед, – сказала она.

– Сегодня не получится, – с сожалением ответил Клим.

Он уже открыл дверь, чтобы выйти из редакции, как увидел, что на лавочке вокруг клумбы сидят его любимые герои во главе с Кабаном. Клим тотчас дал задний ход.

– Что-нибудь забыл? – спросила Таня.

– Да. Где моя рукопись?

Татьяна не смогла скрыть беспокойство.

– А что случилось? Я уже отправила ее в набор...

Она повела его к компьютеру. Клим хмурился и крутил головой. Таня терялась в догадках. Неужели он передумал и хочет забрать роман?

– Ничего страшного, – говорил он, перебирая странички рукописи. – Только у меня к тебе одна очень важная просьба. Вот это... и еще это... и это...

Отдельной стопкой он сложил листочки, на обратной стороне которых были заявления от аборигенов, и объяснил, что в завтрашнем номере, кроме романа, надо обязательно опубликовать список лиц, принятых на испытательный срок в АО «Трансконтинентальнефть».

Выбрался Клим из редакции через маленькое окошко в мужском туалете. Из телефона-автомата на автостанции он позвонил в милицию и сказал, что в зале ожидания заложена бомба. Потом сел в «Запорожец» и поставил водителю задачу как можно быстрее найти дом с высоким глухим забором. Таких заборов в поселке было немного, и вскоре Клим предстал перед глазами милой хозяйки.

– Ты с ума сошел! – шепнула она ему, но во двор впустила и крепко закрыла за ним калитку. – Сейчас муж на обед придет!

– В ближайшие два часа не придет, – гарантировал Клим.

Поисковые работы на автостанции были закончены приблизительно через полтора часа, но Клим все же успел застать интересный момент, как овчарка, натасканная на поиски взрывчатки, помочилась на клетку с курами. Отхлебывая пиво, он смотрел, как садятся по своим машинам саперы и милиционеры и потихоньку расходятся зеваки, горячо и весело обсуждая необыкновенное событие.

Клим остановил грузовик и на нем доехал до типографии, где из-под могучего пресса уже вовсю вылетали завтрашние номера «Сельской нови». Таня, сгорбившаяся под тяжестью свалившихся на нее забот, осунувшаяся, с синяками под глазами, вручила Климу еще тепленький номер, поцеловала его в щеку и пожелала спокойной ночи. На крыльце типографии Клим развернул пачкающуюся, дурно пахнущую газету. Под его роман был отдан весь вкладыш целиком, да еще разворот. Над текстом, словно кровля из металлочерепицы, нависал тяжеловесный заголовок: «ГРАДУСНИК». И ниже: «Главы из романа Клим Нелипова».

У Клим мурашки побежали по коже. Он сделал из газеты шапку-треуголку и в ней пошел в кафе «Алик». Как и вчера, у входа, подпирая лбом стену, стонала и истекала слюной девушка, похожая на гидропамятник в виде нескончаемо писающего мальчика. Клим толкнул ногой дверь, переступил порог и некоторое время постоял в проеме, как в портретной раме.

– Сам Наполеон к нам пожаловал! – раздался чей-то недобрый голос. Кто-то шлепнул Клим по плечу. Кто-то подтолкнул к столу, за которым восседал Кабан с компанией.

– Ну что, нефтяник? – загудел Кабан, сминая в огромном кулаке пластиковый стаканчик. – Сейчас мы тебя колбасить будем.

Его челюсть, похожая на щетку для чистки автомобильных свечей, угрожающе задвигалась. Подлый Шакал, действуя в строгом соответствии со своей литературной ролью, тоненько и похабно захихикал и смахнул с головы Клим шапку. Превращаясь в полете в газету, она спланировала на стол.

Клим не помнил, когда еще испытывал столь острое и приятное ощущение власти и безнаказанности.

– Аккуратнее надо! – посоветовал он и щелкнул Подлого Шакала по носу.

От такого фамильярного отношения к своей свите Кабан сразу пришел в ярость и уже начал вставать из-за стола, но Клим поднял руку и сказал:

– Спокойно, господа! Все в порядке. Я вас от души поздравляю.

С этими словами он развернул газету на той странице, где был опубликован список кандидатов в «Трансконтинентальнефть».

Во втором часу ночи Клима с песнями отнесли в гостиницу, бережно занесли в номер и уложили на кровать. Кабан самолично сбегал за пивом и заботливо сунул бутылку Климу под подушку.

Глава 8

Ночью Климу приснился дурной сон, он вскочил в постели, в испуге посмотрел в окно, туда, где на площади под тусклой лампочкой бодрствовал лишь памятник, и снова рухнул на подушку. Почувствовав под ней что-то твердое, Клим пошарил рукой и нашел бутылку пива. Полагая, что это он сам позаботился о себе, Клим сорвал крышку с бутылки о край кровати и прильнул к горлышку губами. Где-то он читал, что если пьяный человек выпьет глубокой ночью пива, то утром проснется трезвый, как стеклышко.

Второй раз Клим проснулся поздним утром, но в состоянии, далеко от стеклышка. Его так сильно шатало, что он не смог с первого раза попасть в душевую и больно ударился ухом о косяк. Холодный душ несколько привел его в чувство, но окончательно Клим протрезвел лишь тогда, когда проверил содержимое своих карманов. От семисот рублей, которые вручил ему редактор, осталась одна мятая десятирублевка. Амнезия была столь глубока, что Клим провел в глубокой задумчивости у окна не меньше часа, пока наконец вспомнил некоторые детали вчерашнего вечера в «Алике». Кажется, Клим поил за свой счет не только будущих труженников «Трансконтинентальнефти», но также членов местного колхоза и даже банду опаринских, которая традиционно вломилась в «Алик» с собачьими цепями.

Клим даже заскулил от досады и еще раз обыскал карманы, на всякий случай заглянул под кровать. «Если я сейчас не выпью пива, то сойду с ума», – понял Клим и стал торопливо собираться. Жажда приглушила стыд и голос совести. Он твердо знал, что сейчас быстрыми шагами пересечет площадь, целеустремленно пойдет в редакцию, решительно откроет дверь редакторского кабинета и с порога скажет Тане: «Мне нужны деньги. Одолжи, пожалуйста, рублей сто». И при этом он не почувствует никакого дискомфорта, и будет смотреть прямо в очки Тане, покрытые туманными бликами, и лицо его будет расслабленным и спокойным.

Он сделал все именно так, как и представлял, за исключением последнего этапа. У двери редакторского кабинета Клим словно на невидимую преграду налетел. Изнутри доносился высокий голос Ивана Михалыча:

– Ты же взрослая девушка! Нельзя же быть такой безответственной! Что это такое, я тебя спрашиваю?! Почему ты не дождалась меня?! Молчи, не надо оправдываться! Как я теперь буду людям в глаза смотреть?! Мне стыдно, понимаешь?! Стыдно!! Иди с глаз моих долой!! Иди, пока я еще чего-нибудь тебе не наговорил!!

Клим едва успел отскочить от двери. Она широко распахнулась, и в коридор быстро вышла Таня. Лицо девушки полыхало огнем. Глаза были полны слез. Руки крепко прижаты к груди. Она мельком взглянула на Клима и почти со злостью сказала:

– Пойдем отсюда!

Клим поплелся за ней. Таня вышла из редакции, свернула за угол, пересекла сквер и вышла на берег речки. Села на траву и опустила голову на колени.

– Ты похожа на Аленушку с картины Васнецова, – сказал Клим, присаживаясь рядом. – А я не думал, что твой редактор так громко может кричать.

– Я тоже не думала, – ответила Таня, шмыгнула и полезла в сумочку за платком.

– Ему не понравился мой роман? – догадался Клим.

– Не то слово... У него волосы дыбом встали, когда он прочитал.

«Видно, умный человек Иван Михалыч», – подумал Клим и сказал:

– Если бы я писал для него, тогда была бы катастрофа. Но я пишу для себя...

– А мне нравится! – упрямо, даже с вызовом сказала Таня, прижимая платок к глазам.

Голос ее был сильным и твердым, но слезы все еще выкатывались из глаз. – Нравится! Нравится!

Клим понял, что она убеждает саму себя. Он погладил девушку по голове.

– Да фиг с ним, с романом! – сказал он. – Обо всем все равно не напишешь, как ни старайся.

– Обидно, что у кого-то есть время, чтобы писать, но он не пишет. А у кого-то истекают последние дни, но ему еще и препоны ставят... Ты прости меня, пожалуйста. Наверное, я во всем виновата...

Она не выдержала и разрыдалась у Клима на груди.

«Вот какая хренотень получается», – подумал Клим, глядя Таню по голове.

– А давай лучше пива попьем, – предложил он, не уточнив – лучше, чем что.

Таня кивнула, встала с травы. Лицо ее припухло от слез и стало немного похоже на припухшее лицо Клима. Они спустились к причалу, где стоял пивной ларек и всем желающим выдавали напрокат старые, тяжелые лодки с раздолбанными уключинами. Клим не стал притворяться, что собирается искать в карманах деньги.

– С тебя причитается, – напомнил он и улыбнулся. Таня кивнула и тоже улыбнулась. Ее глаза посветлели. Она купила пива и какой-то подозрительный фиолетовый ликер. Клим получил у прокатчика весла, помог Тане забраться в лодку, а сам чуть не свалился в воду. Его все еще шатало после вчерашнего. Он стал грести против течения, чтобы возвращаться было легче. В тихой заводи, где полоскали свои ветви прибрежные ивы, они встали на рейд. Клим залпом выдул пиво. Таня так же, из горлышка, отхлебнула ликера. Потом протянула фиолетовую бутылку Климу. Они стали пить по очереди.

Пошел дождь, но они решили, что это ивы разом начали плакать. Таня пересела к Климу и взялась за левое весло. Он – за правое. Они гребли одновременно, но в разные стороны, и лодка кружилась на одном месте, словно стрелка компаса во время магнитной бури.

– Я такая пьяная, – призналась Таня. – У меня все перед глазами плывет. И за... за... заикаться начинаю...

Она засмеялась, краснея. Клим направил лодку по течению вниз. Пустые бутылки перекатывались под ногами, стучались друг о друга. Клим представлял себя пивной бутылкой, а Таню – ликерной, и в его голове сама по себе стала складываться красивая сказка со счастливым концом, когда обе бутылки разбились друг о друга, упали на песчаное дно реки и со временем превратились в россыпь самоцветов...

Они вымокли до нитки и, обнявшись, пошли по мокрому и скользкому причалу.

– Так и знал, что вы здесь, – сказал Иван Михалыч, преградив им путь. – Утопиться решили? Ну-ка, марш в машину греться!

Они пристроились на заднем сиденье. Редактор завел мотор и включил печку. Таню мелко трясло. У нее даже подбородок трясся.

– В общем, так, молодежь, – сказал Иван Михалыч, глядя на Клима и Таню в запотевшее зеркало заднего вида. – Свершилось чудо. Я сам не понимаю, как это могло быть. Опять скупили на корню весь тираж плюс три допечатки по тысяче экземпляров. Оптовики встали у редакции в очередь. Мне звонили из соседних областей, спрашивали, когда будет продолжение романа. Заманчивые предложения сделали два издательства. Просто бум какой-то!

Он замолчал, ожидая, когда информация хорошенько уляжется в головах молодых людей. Впрочем, информацию усвоил только Клим, так как Таня, согрвшись, немедленно уснула на его плече.

Иван Михалыч повернулся к Климу и стал ласкать свою бороденку.

– Первый раз в жизни сталкиваюсь с подобным, – искренне сказал он.

– А я уже устал от славы, – ответил Клим. – Хочется просто жить – долго и счастливо. Вы мне только гонорар дайте, а то я у Тани в долг взял. Приближаясь к финишу, надо успеть раздать все долги.

Иван Михалыч, недолго думая, сунул руку в пиджак, вынул оттуда потрепанное портмоне и стал отсчитывать деньги. Клим терпеливо ждал, признаваясь себе, что этот вид ожидания тем приятнее, чем дольше он длится.

– Здесь гонорар за первый отрывок, – сказал редактор, протягивая деньги. – И аванс за второй. Замечательная жизнь Кабана и Бутылки изучена тобой еще не до конца. Я прав, гений?

Глава 9

Администратору гостиницы прежде никак не удавалось запомнить Клима в лицо, и она всякий раз останавливала его грозным и звонким окриком: «Молодой человек! Стойте! Стоять, я сказала! К кому идете? В какой номер?» А теперь вдруг она удивительным образом переменилась. При появлении Клима в фойе она выбежала из-за своей стойки, и ее лицо от улыбки стало необыкновенно широким, а глаза превратились в узенькие щелочки.

– А я читаю ваш роман! – объявила она с таким гордым видом, будто хотела выпросить за этот подвиг медаль. – Вот не думала, что вы писатель! А трудно писать романы, да? Значит, вы у нас как бы в командировке... Хоть бы книжечку свою подарили! А можете написать мне на газете какое-нибудь пожелание?

Клим согласился. Снова упиваясь чувством власти и вседозволенности, он смело зашел в святая святых всякой гостиницы – за стойку администратора. Газета с его романом в развернутом виде лежала посреди стола, словно подготовленная для трапезы, только на ней вместо бутылки и стаканов лежали очки.

– Ручку дайте! – попросил Клим, садясь за стол.

– Да, да, пожалуйста, самую лучшую, которой я записываю в книгу постояльцев!

Он чувствовал себя очень хорошо, несмотря на то что рука немного дрожала, а в голове шумело. Он вспомнил, как однажды увидел по телевизору президента России, который оставлял автограф в книге почетных гостей, и постарался произвести такой же царский наклон головы и так же размашисто и властно водить ручкой по бумаге.

– Меня зовут Лариса Ивановна, – подсказала администратор, шумно дыша Климу над ухом. – Можно просто Лариса... И еще какое-нибудь пожелание добавьте...

Клим на мгновение задумался и вывел на полях: «Ларисе желаю неувядания!» Полюбовавшись на этот утонченный лаконизм, он размашисто расписался: «Клим Нелипов».

– Спасибо! – с чувством произнесла администратор, прижимая газету к груди. – Повешу в рамке на стену.

Клим хотел встать, но женщина положила перед ним небольшую стопку таких же газет.

– И еще, пожалуйста, – заискивающим голосом произнесла она. – Это подпишите Гоцаку Герману Петровичу. Это – Саньке... или Сашке. Это – подружке Вале...

Клим подписывал газеты с удовольствием, вот только с пожеланиями пришлось туго. Гоцаку он пожелал успехов в работе, Саньке – долголетия, а вот подружке Вальке, хоть убей, не знал чего пожелать.

– Напишите ей «счастливой старости», – мстительно шурясь, подсказала администратор.

Клим так и сделал.

– А что, она очень старая? – спросил он, передавая женщине газету.

– Не имеет значения, – отмахнулась та, не сводя глаз с Клима. – Я все наглядеться на вас не могу. Не каждый день к нам живые писатели приезжают. Вот чудно! И зарабатываете, наверное, прилично?

– Мне пора, – сказал Клим.

Ему было тяжело подниматься по лестнице. Наверное, давал о себе знать груз возросшего самомнения. Зайдя в номер, Клим надолго застрял у зеркала. Он рассматривал себя и гадал, похож он на настоящего писателя или не очень. Потом он выгреб из карманов деньги и пересчитал их. Столь внушительную сумму ему еще никогда не приходилось держать в руках. «А что, – подумал он, – не вернуться ли в институт и не сунуть ли эти деньги преподу, пусть подавится!»

Но мысли об институте вдруг навеяли на Клима непроглядную тоску. Он вспомнил общагу, конспекты, учебники и хроническую пустоту в карманах. Здесь было куда интереснее, и будущее казалось заманчивым, ослепляющим и непредсказуемым. Клим еще раз посмотрел на себя в зеркало, напустил на лоб челку и сел за работу. На этот раз ему предстояло преобразовать в рукопись обе стороны кассеты, что составляло девяносто минут непрерывающейся, местами совершенно бессмысленной болтовни, напоминающей митинг больных в психушке. В сюжетную канву гармонично вплелись новые герои – Отвертка, Башмак и Окурок. Клим пребывал в творческом экстазе до четырех часов утра, отвлекшись от работы всего дважды, когда позвонила Таня и пожелала ему спокойной ночи и когда у памятника снова материализовались его литературные герои и стали хором звать Клима опохмелиться.

Утром ему позвонил сам Иван Михалыч.

– Подготовил очередной кусок? – спросил он, даже не поздоровавшись.

Клима задело, что в интонации редактора угадывалось плохо скрытое пренебрежение, и особенно резануло слух слово «кусок».

– Куском называют прапорщика в армии, – ответил Клим, стараясь своим холодным тоном вызвать у редактора уважение к себе. – А я готовлю отрывки из романа.

Климу было интересно, как отреагирует на это Иван Михалыч, и с удовлетворением отметил, что после недолгой паузы редактор сменил тон.

– Ну, ладно, не обижайся, – примирительно сказал он. – Понимаешь, у нас тут запарка. Мы отпечатали еще одну тысячу, и надо срочно засылать в набор продолжение. Это первое. И второе: приехал человек из областного книжного издательства. Хочет с тобой поговорить насчет книги. Мой тебе совет: соглашайся на любые его условия, потому как такого шанса у тебя больше не будет.

«Ого! – подумал Клим. – Мою книгу хотят издать!» Он опустил трубку, подпрыгнул до потолка и, подбоченившись, застыл у зеркала.

– Значить, так! – сказал он своему отражению. – Книгой меня уже не удивишь. У меня их столько, что на книжной полке не уместятся. Но так и быть. Я позволяю вам напечатать мое произведение. Но с одним условием: роман должен быть отпечатан на качественной туалетной бумаге, чтобы моим читателям было комфортно!

От этих слов ему самому вдруг стало неуютно, и Клим даже выглянул в гостиничный коридор, желая убедиться, что его никто не подслушивал.

В фойе Клим надолго увяз в пикете из обслуживающего персонала. Уборщицы, прачки, электрики и сантехники во главе с администраторшей преградили ему путь и стали наперебой задавать вопросы, касающиеся преимущественно личной жизни и сумм авторского вознаграждения. Клим с удовольствием принялся рассказывать о своих великих предках – писателях, художниках и графах, которые все как один померли на далекой чужбине в эмиграции; с этой темы плавно перешел на себя и подробно остановился на теории человеческих параллелей. Общение с читателями затянулось, и, когда пришло время раздавать автографы, в фойе неожиданно вошел Иван Михалыч.

– Господин Нелипов! – сказал он, как-то странно улыбаясь, будто съел что-то ужасно кислое. – Вас ждут!

– Увы, увы! – с сожалением сказал Клим своим поклонникам, отодвигая от себя пачку газет. – Как-нибудь в следующий раз.

По пути в редакцию Иван Михалыч отчитал гения, как мальчишку.

– Тебя уже второй час ждет человек, специально приехавший из области! Совесть иметь надо!

Человек из области оказался маленьким и подвижным лысым коротышкой. Гость расхаживал по кабинету, едва ли не по локти засунув руки в карманы широких брюк, и при этом поглядывал на Клима то правым глазом, то левым, но ни разу не взглянул обоими.

– Очень симпатичный молодой человек, – приговаривал коротышка таким тоном, будто слово «симпатичный» употреблялось им в крайне отрицательном значении. – Весьма симпатичный...

Обойдя Клима несколько раз по круговой орбите, коротышка наконец шагнул к нему и протянул короткую волосатую руку.

– Очень приятно, очень приятно, – скороговоркой произнес он и дальше стал шпарить без остановки, на одном дыхании: – Это очень выгодно для вас, надо подписать сейчас сразу все, смешно упускать такой шанс, мы все обставим лучшим образом, можно сказать, я вам просто так подарю пять тысяч рублей, и от вас больше ничего не требуется, только подписать договор, одна подпись, и все, это чистой воды формальность...

Клим не поспевал за ходом мысли гостя, но Иван Михалыч уже усадил его за стол и сунул ручку, отчаянно и часто подмаргивая. Коротышка придвинул Климу лист бумаги и, накрыв его большую часть растопыренной ладонью, ткнул коротким толстым пальцем в нижнюю строку.

– Вот здесь распишись, и я сразу, сразу даю пять тысяч рублей! Давай, давай, быстрее!

– Подписывай, не робей, – с другой стороны наседавал Иван Михалыч.

Клим прицелился аккурат под толстый палец гостя и расписался.

– Умница, умница, – похвалил гость, немедленно смахивая договор со стола.

– А почитать его можно? – спросил Клим.

– Да что там читать! – отмахнулся коротышка. – Обыкновенный договор о том, что ты разрешаешь мне издать твой роман отдельной книгой за пять тысяч рублей. Ты ведь разрешаешь, правда? Ты же не дурак? Нет, не дурак, у тебя умное лицо. Вот, бери деньги и радуйся. Здесь четыре с половиной, пятьсот я тебе потом дам, у меня с собой почему-то не оказалось...

Клим взял деньги, повертел их в руке, будто не верил, что они настоящие.

– Прячь, прячь быстрее, пока я не отобрал! – захихикал коротышка.

Он и Иван Михалыч звонко ударили по рукам. Коротышка сгреб со стола рукопись Клима и сунул ее в целлулоидную папку.

– Эх, – вздохнул он. – Кота в мешке беру! Не читая беру! А отдаю конкретные деньги!

– А здесь всего три тысячи, – сказал Клим, пересчитав купюры.

– Правда? – вскинул брови коротышка. – Не может быть. Ты, наверное, ошибся.

– Нет, не ошибся, пересчитайте сами.

– Да ладно тебе! – махнул рукой Иван Михалыч. – Из-за какой-то мелочи...

– Да отдам я тебе твои две тысячи! – убедительно заговорил коротышка и часто заморгал своими честными глазами, обрамленными пушистыми ресницами. – Ты что, мне не веришь? Чуть попозже отдам!

Иван Михалыч покачал головой.

– Неблагодарная молодежь пошла! – сказал он. – Если бы я в твои годы смог издать книгу, то был бы самым счастливым человеком на свете. Для меня газетная публикация была пределом мечтаний. Радуйся, молодой человек, что вообще нашелся издатель для твоего г...

– Редактор осекся, с его языка едва не сорвалось какое-то нехорошее слово, но он быстро поправился: – Для твоего гениального произведения.

Клим встал со стула и стал запихивать пачку денег в задний карман джинсов. Но там уже почти не осталось свободного места. Джинсы натянулись на ягодицах, как паруса при сильном ветре.

В коридоре его ждала Таня.

– Здравствуйте, Клим! – воскликнула она, и в ее глазах заблестела неподдельная радость. – Как у вас дела? Как самочувствие?

Она опять обращалась к нему на «вы», но Клим почему-то не стал ее поправлять.

– Подписал договор на очередную книгу, – небрежно обронил он и направился к выходу.

– А я хотела пригласить вас к себе на обед, – торопливо предложила Таня.

Клим повернулся в дверях и с сожалением развел руками:

– Не могу. У меня сейчас важное мероприятие.

Блеск в глазах Тани стал затухать.

– А хотите, покатаемся на лодке? – тише добавила она.

– Эх, Танюша, – произнес Клим и вздохнул. – Если бы ты знала, как мне хочется все бросить, забраться в какие-нибудь лесные дебри и просто наслаждаться природой!

– Ну так, – осторожно сказала Таня, – давайте так и сделаем...

– Нет! – покрутил головой Клим и стал серьезным. – Я уже давно не принадлежу себе. Я – достояние нации, и сколько мне отпущено богом, столько буду служить народу.

Он вернулся в фойе гостиницы, где продолжил прерванное общение с читателями. Общение сводилось в основном к тому, что Клим подписывал газеты работникам гостиницы и их многочисленным родственникам и друзьям. Когда количество подписанных газет перевалило за второй десяток, у Климачика начисто иссякла фантазия, и тогда он стал циклично повторяться, желая всем без разбору «неувядания», «счастливой старости», «успехов в работе» и «кучу детишек». Ни работников гостиницы, ни тем более Климачика вовсе не беспокоило, что пожелание иметь кучу детишек выпало девяностолетней бабушке электрика, а счастливой старости – невестке уборщицы, которой только что исполнилось девятнадцать. Все остались довольны, особенно Клим, который вволю полакомился упоительной славой.

Глава 10

Внезапно фойе словно туча накрыла. Администратор, которая до этого без умолку щебетала о редкостном литературном даровании Клима, замолчала и скрылась за своей стойкой. Сантехник, прихватив подписанную кипу газет, быстро зашел в свою каморку, заставленную, словно минами, вантузами, и заперся в ней на ключ. Остальные притихли и расступились. К столу, за которым работал Клим, подошел Кабан. Надбровные дуги нависали над его лицом, как снежные карнизы на крышах. Тяжелый подбородок был щедро усеян щетиной, которая, казалось, растет прямо на глазах и с треском. Опущенный коромыслом рот презрительно скривился. Кабан опустил тяжелую крабовидную руку на стопку газет, смял верхнюю и швырнул ее Климу в лицо.

– И мне тоже подпиши. «Дорогому Грише...» Пиши-пиши!

Клим написал на мятой газете: «Дорогому Грише желаю творческих успехов!»

– Так ты у нас, оказывается, писатель, – сказал Кабан, наблюдая за тем, как Клим старательно выводит автограф. – А говорил, что нефтяник.

– Одно другому не мешает, – ответил Клим и покосился на окно. У входа в гостиницу разминала кулаки свита Кабана – милые, родные, до боли знакомые герои нашумевшего романа Клима. «Вот как бывает, – подумал Клим. – На бумаге они послушные, делают, что я захочу. А сейчас почувствовали свободу, машут руками, как мельницы».

– Достаточно, – сказал Кабан, вырвал из-под руки Клима газету и затолкал ее в карман широких спортивных брюк. – Пошли, сейчас мы тебя колбасить будем. Много раз откладывали, больше нельзя.

Клим глянул на почитателей своего таланта в надежде, что кто-нибудь заступится и не позволит загубить молодое дарование, но работники гостиницы очень хорошо знали крутой нрав и беспредельную тупость Кабана и справедливо посчитали, что Нелипов, если останется жив, уедет, а им здесь торчать до конца дней своих.

– Может, лучше поднимемся ко мне? – предложил Клим и пошевелил сухим языком во рту. Ему очень хотелось пить.

– А не боишься, что я тебя из окна выкину? – спросил Кабан.

Клим боялся, но выходить к своим героям боялся еще больше. Он рассчитывал на то, что если оторвет Кабана от его своры, то вожак уже не будет столь опасным и агрессивным.

– Чем угощать будешь? – спросил Кабан, падая на кровать Клима и сладко вытягивая ноги в пыльных резиновых сапогах.

Клим лихорадочно думал, как бы откупиться от Кабана и в то же время не потерять с ним приятельских отношений. Позволяя Климу сидеть с ним за одним столом в «Алике», Кабан тем самым подпускал его к непрекращающемуся источнику словесного потока, который потом Клим превращал в свою славу и деньги. Если доступ к этому грязному гейзеру будет перекрыт, то звезда Клима закатится столь же быстро, как и взошла.

– Зачем врал про нефть? – спросил Кабан и качнулся на матрасе. Кровать жалобно скрипнула.

– Кто врал? – удивился Клим. – Я врал? А разве кто-то знает точно, что там нет нефти? Разве кто-то пытался бурить?

– Вот ты первый и будешь бурить! – пообещал Кабан. – Но сначала мы тебя отколбасим как следует.

Мысль о предстоящем физическом насилии показалась Климу невыносимой, и в тот момент, когда он был готов отдать все деньги, лишь бы избежать побоев, к нему в голову зарулила спасительная идея.

– А тебе нефть нужна или бабки? – спросил он.

– Я что, пылесос, чтобы нефтью питаться? – зевнул Кабан.

– Тогда я предлагаю тебе стать моим телохранителем, – выдал Клим и сам испугался своей дерзости.

– Что-о-о?? Кем??

Кабан приподнялся и отодвинул шкаф, угол которого мешал ему смотреть на Клима.

– Пятьсот рублей в день! – отступая к окну, добавил Клим. – Выплата каждое утро. Ровно в десять. Минута в минуту.

Кабан уже принял вертикальное положение и задел головой люстру.

– Ты что мне предлагаешь? – утробно зарычал он и сломал стул.

– Защищать меня от твоих товарищей! Пятьсот рублей в день! Каждый день по пятьсот!

Смысл этих слов с большим трудом пробивал себе путь сквозь мощную черепную коробку Кабана в глубь неразвитого мозга. Климу уже некуда было отступать. За окном, завидев его спину, завыли и засвистели литературные герои. Кабан медленно приближался. Он напоминал товарный состав, который хоть и начал тормозить, но все еще двигался вперед по инерции.

– Повтори! – гаркнул он, когда до Клима остался последний шаг.

В этот драматический момент Клим не сплосховал и поступил правильно, множество раз произнеся как молитву фразу «пятьсот рублей». Кабан остановился, обдавая Клима горячим паром. Толпа за окном притихла в ожидании развязки. Кое-кто отошел подальше на тот случай, если Клим вылетит наружу.

Теперь можно было спокойно очертить Кабану круг его обязанностей. Клим делал это медленно, подавая каждое предложение в адаптированном виде и повторяя его по несколько раз, нарочно меняя порядок слов. Кабан начал въезжать в суть дела. Что такое телохранители, он знал, несколько раз видел их в кино. Это были симпатичные парни в черных костюмах, которые крушили все на своем пути, ломали челюсти, отрывали головы, оберегая от неприятностей каких-то задохликов. Выходит, Клим предлагал ему стать таким же парнем? Предложение было не просто выгодным Кабану, оно казалось сказочным, нереальным. Пятьсот рублей в день только за то, что Кабан делал с большим удовольствием совершенно бесплатно? Платить деньги обжоре за то, что он будет каждый день усиленно и вкусно питаться? Выдавать алкашу приличную зарплату за то, что он без просыху квасит с утра до вечера?

Кабан даже рассмеялся от удовольствия. Клим, понимая, что скепсис Кабана еще слишком высок и потому затуманивает и без того туманное его сознание, немедленно отсчитал пятьсот рублей и протянул своему работнику. Кабан взял деньги, повертел их в руках, не в состоянии понять, в чем же здесь подвох.

– Замочить, что ли, кого-то надо? – уточнил он.

Клим аж застонал. За окном тоже усиливалось нервное возбуждение от того, что ситуация вдруг утратила былую динамичность. Литературные герои не могли понять, почему Кабан до сих пор не начал месить Клима, словно тесто.

Клим понял, что сдвинуть ситуацию с мертвой точки может только водка, и пригласил Кабана в «Алик», чтобы отметить контракт. У героев потекли слюнки, когда Клим и Кабан вышли из дверей гостиницы.

– Сейчас мы из тебя драники делать будем! – пообещал тонкий, хилый, едва держащийся на ногах Окуроч.

– Хлопцы, пусть он нефть в моем туалете поищет, – предложил Подлый Шакал. – Опустим его туда вниз головой, чтоб ему лучше видно было.

– А мне кажется, надо ему в зад папиросу вставить и выпустить в поле, чтобы метеорит изображал, – высказал идею Стакан.

Кабан все еще не приступил к выполнению своих обязанностей, и Клим ущипнул его за руку.

– Ну что же ты!

Кабан громко икнул, и толпа притихла. Клим почувствовал, что пятьсот рублей, которые он заплатил Кабану, начали работать. Юный гений бесстрашно шел в окружении злых и бессердечных аборигенов.

Глава 11

Наутро Клим понял, что больше пить не может. Ему было так плохо, что он почти целый час ходил по комнате от окна к двери, держась за голову. За творческое вдохновение, которое он получал в «Алике», приходилось расплачиваться здоровьем, которого у Клима было не так много.

Он едва добежал до туалета и, обнимая унитаз, думал о том, что «Алик» рано или поздно сведет его в могилу. Если даже не проломают голову в пьяной драке, то отравление алкогольным суррогатом Климу было гарантировано.

Оказалось, что, ко всему прочему, кафе переставало быть источником информации. Клим ошибался, когда считал, что «Алик» с его завсегдатаями – бездонный колодец литературного материала и что еженощно, вплоть до ритуального прихода опаринских, можно с успехом скачивать бесконечный треп. Расшифровывая с плеера новую запись, Клим не мог не заметить, что его герои начинают повторяться, иногда слово в слово проговаривая старые истории. Хотя мозги Клима работали из рук вон плохо, он пришел к выводу, что пришла пора искать другой колодец.

Кабан, спавший в соседнем номере, выглядел намного более страшным, чем обычно. Он поднялся с кровати в одежде и сапогах и, не открывая глаз, издал глухой рев, словно разбуженный зимой медведь. На его багровом лице отпечатались то, на чем Кабан спал: кулак, складки подушки и пробка от пивной бутылки. В туалете он долго пил воду из-под крана, потом ходил по комнате, с глухим урчанием почесывая затылок. Чтобы ускорить процесс оживления, Клим дал ему пятьсот рублей за предстоящий рабочий день. Как ни странно, Кабана это не удивило, он прекрасно помнил о своих новых обязанностях и, заталкивая деньги в карман, пробормотал:

– Сейчас кому-нибудь дам в морду. Пальцем покажи, кто не нравится...

Таня, словно прикормленная собачонка, ждала Клима у входа в гостиницу. Первый раз Клим видел ее в голубеньком сарафане и в туфельках и подумал, что с такой милой внешностью ей надо бежать из этого поселка со скоростью пассажирского экспресса.

– Познакомься, это мой телохранитель, – представил он Кабана.

Оказывается, они были знакомы, так как часто встречались в следственном изоляторе, куда Таня приходила за материалом для «Криминальной хроники». Когда они стояли рядом, то смотрелись как динозавр и цветочек.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Таня.

– Разве по моему лицу не видно? – печально ответил Клим. – Дело движется к финишу.

Таня едва справилась с судорогой боли, прошедшей по ее лицу. Она раскрыла пакет, который держала в руках, и вынула из него бутылку с золотистой жидкостью, в которой плавала какая-то гадость, похожая на осьминога.

– Это настойка женьшеня, – сказала Таня. – Моя подруга из Китая привезла. Говорят, очень повышает иммунитет... Это вам. По чайной ложке три раза в день.

– Спасибо, – растроганно произнес Клим, прикладывая прохладную бутылку ко лбу. Он подумал, что надо будет обязательно как-то отблагодарить Таню. Покатать ее на лодке. Или угостить мороженым.

Клим оставил Кабана у входа в редакцию вместе с бутылкой целебной настойки. Иван Михалыч коротал время за компьютерной игрой. На рабочем столе стоял новенький, блестящий ноутбук, по экрану которого носились гоночные машины. Редактор был так увлечен гонками, что не сразу обратил внимание на вошедшего в кабинет Клима.

– А-а, юное дарование! Садись... А я сейчас, секундочку... Мне надо обязательно прийти к финишу в первой тройке, чтобы потом попасть на чемпионат...

Тут одна из гоночных машины с грохотом врезалась в дерево и развалилась на кусочки. Редактор чертыхнулся, выключил ноутбук, опустил никелированную крышку и с любовью погладил ее ладонью.

– Вот, полезную штучку приобрел, – сказал он, убирая ноутбук со стола. – Всю жизнь мечтал, а вот только теперь нашлись деньги.

– Дорого стоит? – спросил Клим. – Наверное, не меньше тысячи долларов?

– Да что ты! – стушевался редактор, и кончик его носа стал стремительно краснеть. – Копейки! Ну, ты очередной отрывок принес? Так давай быстрее! – И ужасно фальшиво пропел: – Наш паровоз вперед летит, и промедление смерти подобно...

Он взял мелко исписанные странички, в уголке первой написал: «Срочно в набор!», надел очки и пробежал взглядом по тексту.

– Ага, ага, – бормотал он, одобрительно кивая, и скользил пальцем по странице сверху вниз. Перевернул вторую, потом третью, и вдруг его палец резко затормозил, будто налетел на какое-то непонятное слово. – Стоп! Так ведь про градусник ты уже писал!

«Заметил, моль нафталиновая!» – с ненавистью подумал Клим и стал путано объяснять, что умышленно сделал повтор, потому как этот прием позволит читателю глубже вникнуть в суть житейских параллелей... Но редактор его прервал.

– В общем, так! – строго сказал он, грозя пальцем. – Ты не халтурь! Я такие вещи не люблю. Дай бог, чтобы у читателя хватило терпения один раз прочитать твою ху... твоё художественное произведение, но второй раз он уже точно не потянет. Мы рискуем потерять читательскую аудиторию. Усек? Первый и последний раз!

Он вынул из стола пачку денег, отсчитал одну тысячу четыреста и небрежно кинул Климу, показывая этим жестом свое недовольство. Из кабинета Клим вышел в удрученном состоянии. Таня, которая по своему обыкновению дожидалась его в коридоре, стала о чем-то взволнованно щебетать, но Клим ее не слушал. «Мне бы ее заботы! – подумал он. – Примазалась к моей славе!»

– А почему ты не работаешь? – спросил он ее, не слишком заботясь о том, достаточно ли доброжелательно прозвучал вопрос.

Таня отступила на шаг, захлопала глазами, сразу и безусловно почувствовав себя виноватой, и стала оправдываться:

– Так... так на десять номеров вперед запланирован ваш роман, и Иван Михалыч отправил всех корреспондентов в отпуск.

– Значит, ты в отпуске? Тогда скажи, где в вашем поселке местное население любит собираться?

– Собираться? В каком смысле?

– Ты знаешь, что такое толпа? Шум, гомон, споры-разговоры? Где это можно увидеть? Вопрос показался Тане забавным, она улыбнулась и весело ответила:

– Наверное, на рынке. С утра там полно народа... – Подумала и добавила: – На автостанции около билетной кассы случается толкотня... Где ж еще? У продмага, когда дешевую муку и макароны привозят.

– Тогда у меня будет к тебе маленькая просьба, – произнес Клим и уже начал было отстегивать от поясного ремня плеер, но вдруг передумал. Таня была слишком умна, чтобы доверить ей такое.

Но девушка уже загорелась желанием выполнить поручение писателя Нелипова, она едва не подпрыгивала от нетерпения.

– Какое? Какое поручение?

– М-м-м... Вот что! Попроси у редактора машину на пару часиков.

Заполучить в свое распоряжение желтый «жигуль» было намного проще, чем отшить Таню, которая слезно предлагала себя в качестве водителя. Но Клим был неумолим и сам сел за руль.

– А она в тебя втюрилась, – заметил Кабан, сидя за заднем сиденье (на переднее он не вмещался). Телохранитель с удовольствием допивал живительную настойку женьшеня и оживал прямо на глазах.

– Тебе показалось, – ответил Клим, глядя в зеркало заднего вида, где в клубах пыли таял тоненький силуэт Тани, очень похожий на разбухший от спирта корень, который Кабан пытался вытряхнуть из опорожненной бутылки.

– А она баба упрямая. Сколько мужиков пыталось с ней шашни завести – все без толку... Слушай, надо этот пузырь разбить и достать эту дрянь. Ведь если ее пожевать, то сколько еще бухла в горло попадет!

Клим свернул на грунтовую дорогу, а с нее вырулил прямо в степь и поехал по кочкам. У кучи прелых листьев он остановился. Кабана не интересовало, куда и зачем они приехали, он получал удовольствие от чудодейственной настойки.

– Ну-ка, закинь его в багажник! – сказал Клим, раскопав мешок с яблоками.

Таня оказалась права, на рынке было полно люду. Самая толкотня происходила на мясных рядах. Охранник в грязной телогрейке, к рукаву которой была пришита старая пионерская эмблема с символом костра, преградил машине путь, но, как только увидел физиономию Кабана, живо отпрыгнул в сторону и радостно поклонился.

– Встанешь вот за этим прилавком, между тетками в фартуках, – сказал Клим, тыча пальцем в стекло, – и будешь продавать яблоки.

– Ты что, охренел? – зарычал Кабан. – Да чтобы я с бабами на рынке торговал...

– Всего полтора часа. За это я тебе еще двести рублей заплачу.

– Триста, – потребовал Кабан.

Клим согласился, хотя подумал, что личный телохранитель обходится ему слишком дорого. Он объяснил Кабану, чтобы тот не торговался с покупателями и отдавал яблоки почти задаром. Главное – это незаметно сунуть плеер под прилавок и нажать красную кнопку. А когда кассета с одной стороны закончится, перевернуть ее и снова нажать кнопку. Это нужно для того, пояснил Клим, чтобы собрать этнографический материал – шутки, анекдоты, сочные ругательства и прочий народный фольклор. Кабан вспомнил свой любимый фильм «Кавказская пленница», где Шурик тоже собирал фольклор, и окончательно согласился.

Убедившись, что Кабан благополучно потеснил торговков мясом и вывалил между свиных голов и копыт полугнилые яблоки, Клим поехал на другой конец рынка, где торговали радиотоварами. Там он купил дешевый китайский диктофон, пару кассет и комплект батареек. Очередь у кассы автостанции была не слишком длинной, зато шумной и скандальной, потому как время от времени к окошку, расталкивая старух, протискивался какой-нибудь бессовестный гражданин. Клим включил диктофон и встал в конец очереди. Дойдя до окошка, Клим вышел из очереди и снова встал в ее конец. Так он сделал раз десять или даже пятнадцать и за это время придумал новых героев – Чемодана, Сумку и Свинью В Мешке. Похождения новых героев настолько завладели фантазией Клим, что он не заметил, как странно смотрят на него люди, как они перешептываются, показывая на него, и крутят пальцем у виска.

Глава 12

Чтобы переписать на бумагу две кассеты, Климу пришлось просидеть за столом до позднего вечера. Испачкав словами кучу бумаги, он почувствовал себя так, словно разгружал вагон с углем. Правая рука отсыхала. Пальцы не слушались. Зато были готовы два отрывка с целой галереей новых героев. Помимо Чемодана и Свины В Мешке, в романе стали фигурировать Гнилое Яблоко, Грудинка и Окорок. К Климу зашел Кабан и напомнил, что пора собираться в «Алик», но Клим отказался и отпустил телохранителя до утра. Сам устроился в кровати и стал смотреть телевизор. Прыгая с канала на канал, он случайно наткнулся на какую-то женскую программу, темой которой было «Как охмурить мужчину», и главным консультантом была известная писательница Элеонора Фу. Раньше Клим ни за какие деньги не стал бы смотреть подобное, но сейчас он вдруг почувствовал, как зарождается и трепещет в его душе неизведанное еще чувство ревности и зависти. Он сделал звук погромче и до конца передачи не отрывал взгляда от тучной фигуры именитой писательницы.

Элеонора Фу сидела на двух стульях сразу, накрывая их собой, словно наседка яйца, и все время, как белочка, поела орешки, которые лежали перед ней в хрустальной розетке. У нее был необыкновенно тоненький для ее габаритов голосок; трещала она без умолку, не давая ведущей слова вставить, и всем подряд раздавала советы, как раз и навсегда приручить к себе мужчину. Литераторша объясняла наивным зрителям, что мужчины – это однотипные, примитивные существа, поступками которых руководят лишь элементарные животные инстинкты. Держалась Элеонора Фу очень уверенно, и если в зале подавал голос какой-нибудь оппонент, она с ходу затыкала ему рот своим авторитетным мнением.

Эта могучая женщина очень впечатлила Клина. Во-первых, она слегка напоминала ему милиционерскую жену, что вызывало у него томительные воспоминания. А во-вторых, она была писательницей, знаменитой писательницей, основательно и тяжело восседавшей на вершине той профессиональной иерархии, по которой Клим только-только начал взбираться. «Вот это да! – с завистью думал Клим. – Какая силища! Какая масса! Все ее слушают, все ее почитают! Какие, должно быть, строгие и умные фразы в ее книгах! Сколько философии и жизненного опыта аккумулировано в них! Как долго, должно быть, она училась этому великому искусству – писать романы!»

Клим изо всех сил принялся изгонять робость из своей души, отчаянно убеждая себя в том, что он тоже писатель и возрастает на том же поле, где когда-то выросла и поднялась над народами замечательная Элеонора Фу. Уснул он в тот момент, когда это убеждение начало прочно обосновываться в его голове, и приснилось ему, как звездная писательница ведет его за руку на высокую гору по узкому живому коридору и им рукоплещут Толстой, Чехов, Бунин, Гоголь, Тургенев, Достоевский и другие бородатые и бритые мужи, ни лиц, ни фамилий которых Клим не знал.

Проснулся Клим с гордым осознанием своей причастности к некоему могущественному обществу избранных. Сон не выходил из его головы. Ему казалось, что он до сих пор чувствует теплую и мягкую ладонь Элеоноры Фу, которая вела его по склону вверх. Именно этот склон более всего запал в душу Климу. «Это была моя жизнь, – думал он, сосредоточенно полируя щеткой зубы. – И я должен выбрать, куда идти. Вверх или вниз...» Клим настолько погрузился в размышления о направлении движения, что невольно стал двигать щетку вверх-вниз. Конечно, вверх, к сияющей вершине славы! Туда, где восседает маститая писательница, знающая ответ на любой, самый животрепещущий вопрос жизни.

Кабана в своем номере не было, дежурная по этажу сообщила, что он вообще не ночевал. «Буду штрафовать!» – решил Клим и, едва переступив порог гостиницы, налетел на поцелуй Тани.

– В областном издательстве вышла ваша книжка! – радостно сообщила она. – В редакцию привезли несколько экземпляров! Как я мечтаю, чтобы вы мне ее подписали! Михалыч говорит, что успех необыкновенный. Весь тираж уже разошелся!

Она едва поспевала за Климом, в необыкновенном возбуждении пересказывая ему в мельчайших деталях хронологию сегодняшнего замечательного утра. Клим тоже был взволнован, первая книга на шаг приближала его к сияющей вершине. Она стала пропуском на гору славы, мандатом писательской квалификации. Но он старался не выказывать своего восторга, ибо маститому писателю претит ликовать от такого рутинного пустяка, как выход в свет очередного литературного шедевра.

– Привет живому классику! – поздоровался Иван Михалыч, когда Клим в сопровождении Тани вошел в кабинет.

Редактор не стал по своему обыкновению выходить из-за стола с протянутой рукой. Вместо этого Иван Михалыч поднес к своему лицу маленький, изящный, никелированный фотоаппарат и предупредил:

– Замрите! Сейчас будет фокус-покус.

Беззвучно сработала фотовспышка. Слепленные, Клим и Таня еще некоторое время неподвижно стояли в дверях.

– А теперь делаем вот что, – с таинственным видом произнес редактор, соединяя фотоаппарат с ноутбуком тоненьким проводочком и щелкая по клавиатуре. – Раз, два, три... Клим на экране замри!

Он развернул ноутбук, и Клим увидел на мониторе цветную фотографию: в дверном проеме стоит он с раскрытым ртом и необыкновенно глупым лицом, а из-за его спины выглядывает Таня.

– Здорово, правда? – Редактор потребовал оценить фокус. – Две секунды – и готово. Не надо ни пленки, ни фотобумаги. – Он бережно взял в руки фотоаппарат и стал любоваться им. – Цифровой! Последнее слово науки и техники. Давно мечтал купить себе такой.

– Дорого стоит? – поинтересовался Клим, но редактор вроде как вопроса не услышал.

– А теперь с фотографией можно делать разные смешные штучки, – продолжал он и стал крутить шарик на панели ноутбука. – Можно, например, сделать тебя негром... Или вот так изменить фейс...

Иван Михалыч несколько раз ткнул пальцем в клавиатуру, и вдруг с лицом Клима на фотографии стало происходить что-то ужасное: оно начало медленно вытягиваться вперед, будто нос и губы оказались захваченными могучим пылесосом, затем стал деформироваться череп, будто он был вылеплен из теста, и в конце концов Клим превратился в какого-то омерзительного монстра, напоминающего гибрида человека и слона.

– Правда смешно? – весело спросил редактор.

– А можно книжку свою посмотреть? – спросил Клим.

– А разве я тебе ее еще не показывал? – удивился редактор, с заметным сожалением отрываясь от ноутбука. – Сейчас, сейчас...

Он выдвинул ящик стола и стал копаться в бумагах.

– Все раздал, – бормотал он. – Прямо с руками отрывали... Ага, вот! Последний экземпляр!

Он отряхнул от сахарных крошек брошюру в темно-синем картонном переплете и кинул на стол. Клим взял ее, изо всех сдерживая проявление эмоций. На лицевой стороне обложки крупно было написано: «Клим Нелипов. Градусник. Роман». На тыльной была помещена краткая биография: «Необыкновенно талантливый писатель Клим Нелипов обладает поистине божественным даром. Однажды он гулял по лесу, и в него попала молния. Трое суток пролежал молодой гений без сознания, а когда очнулся, то почувствовал неудержимые позывы к литературному труду...» «Неудержимые позывы к мочеиспусканию», – по-

своему переиначил строку из биографии Клим и еще подумал, что следующий роман надо будет назвать по-другому, чтобы сразу чувствовалась крепкая рука мастера. Ему остро захотелось узнать, какие заголовки придумывает для своих романов Элеонора Фу.

– И как ты это делаешь? – произнес Иван Михалыч, любовно сдувая с фотоаппарата невидимую пыль и пряча его в футляр. – Может, и мне начать такие романы писать? Кстати, очередной отрывок принес?

– Не один, а сразу два, – похвастал Клим.

Пока редактор просматривал рукопись, Клим взял ручку и в задумчивости склонился над своей книжкой. Ему хотелось написать Тане какие-то особые слова, потому что пожелания счастливой старости и кучи детишек как-то не очень ей подходили. Он написал «Таня» и поставил три восклицательных знака. Девушка затаила дыхание в напряженном ожидании.

– Нормально, – сказал редактор, подписывая рукопись в набор. – Мне думается, эта часть особенно понравится женщинам. Они любят разговоры о тряпках, подлых мужьях и косметике. Да, Танюша?

– Не обязательно, – ответила девушка.

– А раз не обязательно, тогда все по рабочим местам! – скомандовал Иван Михалыч, придвигая к себе ноутбук с фотографией слоночеловека.

– А вы не хотите заплатить мне за новые отрывки? – напомнил Клим.

– Рад бы, – с чувством произнес редактор. – Но пока денег нет. Вот когда отпечатаем, тогда и заплачу.

Клим так и не придумал пожелания Тане и вручил ей книжку с лаконично-кричащей надписью: «Тане!!! От автора!!!»

– По случаю выхода вашей книги, – сказала девушка, когда они вышли на улицу, – приглашаю вас к себе на обед.

Она уже столько раз приглашала его на обед, что отказываться было уже неприлично, хотя это мероприятие по-прежнему навевало на Клима тоску. Его значительно больше привлекал обед у милицейской жены, к сожалению, туда его никто не приглашал. Клим был не прочь также оказаться в окружении своих поклонников и там подписывать свои книжки, но у него не осталось ни одного экземпляра. Тут он увидел пристроившегося на лавочке в тени акации Кабана и очень обрадовался.

– Я сбился с ног, разыскивая тебя! – строго объявил ему Клим.

– Виноват, – проворчал Кабан, посасывая из бутылки пиво. – Мы вчера опаринских колбасили.

Не пытаясь найти следственно-причинную связь между долгим отсутствием Кабана и вчерашним колбасением опаринских, Клим сказал:

– Нас пригласили на обед. По случаю выхода в свет моего нового романа.

Кабан равнодушно пожал плечами и поставил пустую бутылку между ног. Его мало интересовало, куда его пригласили и по случаю чего.

– Деньги давай, – потребовал он.

Вряд ли Таня была очень рада видеть у себя Кабана, но виду она не подавала и активно рассаживала гостей за круглым дубовым столом. Жила она в старом, но еще крепком доме вдвоем с сестрой, которую по случаю мероприятия выпроводила гулять. Книжку Клима она положила посреди стола, в окружении тарелок с колбасной нарезкой, красной икрой, карбонатом и прочими деликатесами.

– У меня сегодня получка, – объяснила Таня, накрывая колени Клима крахмальной салфеткой. – Решила устроить настоящий пир. Один раз живем.

Кабан согласился с этим утверждением и потянулся за водкой. Таня не садилась, кружилась как метеор вокруг стола, кидая влюбленные взгляды на Клима, и бесцельно переставляла бокалы и тарелки.

– Это холодец. Это рыбное заливное, – рекламировала она Климу закуски. – Это язык с хреном...

Кабан принимал рекламу в свой адрес, кивал и ни в чем себе не отказывал.

– По такому случаю я выпью водки, – решила Таня. – И скажу тост! Я хочу сказать, что всю прелесть жизни, ее пронзительное богатство можно почувствовать, наверное, только тогда, когда не беспокоишься о завтрашнем дне...

Клим смотрел на то, как она старается ради него, как дерзко блестят ее глаза, как она украдкой поглядывает на часы и на Кабана, и подумал, что в сценарии торжества, который девушка загодя подготовила, наверняка заложено нечто неожиданное, трогательно-шокирующее, какая-то изюминка, вокруг которой крутятся и стол, и закуски, и отчаянная возбужденность Тани. Впрочем, узнать, что это за изюминка, Климу так и не представилась возможность. В комнату неожиданно вошел Иван Михалыч.

– Вот они где! – сказал он, вовсе не стараясь скрыть обиду на то, что его не пригласили, и с трудом отвел взгляд от закусок. – А я по всему поселку галопом...

Огонь в глазах Тани неудержимо затухал, будто его заливали водой. Должно быть, сценарий рассыпался со всех сторон.

– Присаживайтесь, – не слишком настойчиво предложила она редактору, но тот замахал руками, а потом все же взял со стола и затолкал в рот несколько кружочков копченой колбасы.

– Клима срочно ждет глава администрации района! – торжественно объявил Иван Михалыч, активно работая челюстями, и прицелился на бутерброд с красной икрой. – Будет вручать ценный подарок.

Клим нерешительно поднялся из-за стола, еще не совсем представляя, что от него требуется, но почему-то испугавшись слов «глава администрации». Кабан, допив очередной стакан водки, вложил в рот печеное куриное крылышко и кивнул:

– Иди! – великодушно разрешил он. – А я буду тут за тебя отдуваться.

Таня даже выпить за свой тост не успела. Она поставила рюмку на стол, немного пролив на скатерть.

– А вы... вы еще вернетесь? – спросила она.

Клим пожал плечами. Иван Михалыч выстрелил рукой в сторону стола, словно хамелеон языком, и схватил несколько ломтиков буженины.

– На дорожку, – объяснил он, заворачивая буженину в салфетку и заталкивая в карман пиджака.

– Обязательно возвращайтесь, – сказала Таня Климу, проводив его до калитки. – Я буду ждать...

У нее глаза были как у обиженного ребенка.

Глава 13

Невысокий подвижный человечек в сером, как сельская дорога, костюме, на котором отутюженных складок было вдвое больше, чем полагалось, представился Климу главой администрации района, долго и с чувством пожимал и тряс ему руку, заглядывал в глаза и хихикал.

– Возращенный в нашем поселке, – торжественно приговаривал он. – Плоть от плоти нашего народа...

Клим хотел возразить и сказать, что родился вовсе не здесь, а во Франции, в старинном родовом поместье графа Нелипова, но в последний момент подумал, что скромность непременно украсит его как маститого писателя. Редактор топтался за спиной Клина, завидя молодому человеку и подыскивая удобный момент, чтобы попасть в лучезарное сияние его славы и популярности.

– Наша редакция, Порфирий Федорович, провела колоссальную работу по созданию собственных литературных кадров, – бормотал он, но глава его не слушал, тряс Климу руку и повторял:

– Плоть от плоти... На нашей благодатной почве... Какая молодость! Какой задор! А!

– А вот этот авторский экземпляр, Порфирий Федорович, Клим презентует вам, – сказал редактор и, подойдя к столу (почему-то на цыпочках), воровато, словно взятку, положил книжку.

– Орлиный взгляд! Волевой подбородок! – продолжал любоваться Климом глава администрации. – Наша юная поросль...

– Орлиный взгляд у меня от деда по материнской линии, – пояснил Клим. – Он у меня был чеченцем. Одним ударом сабли двух быков, как колбасу, перерубал. Идет, бывало, по деревне. Чуть не понравится кто-то – сразу быка или корову пополам. За месяц всю живность в районе извел, зато вышли на первое место по заготовке мяса. Правда, односельчане потом догадались затаскивать своих буренок на крыши домов.

Похлопывая Клима по плечу, глава обернулся и назидательно посмотрел на редактора, мол, учись, Михалыч, как жить надо. Он подтянул повыше мешковатые штаны, которые и без того были короткими и не закрывали щиколоток, взял книжку, раскрыл титульный лист и, держа авторский экземпляр в вытянутой руке, подальше от глаз, вслух прочитал:

– «Многоуважаемому главе администрации Порфирию Федоровичу Венькину от Клина Нелипова с чувством глубокой благодарности за ту колоссальную помощь в создании моей книги, которую оказала редакция газеты «Сельская новь» и лично Иван Михалыч Криворучко со своей неутомимой энергией, направленной на всемерное развитие поселка». Замечательно! Замечательно! «Лампочка». «Роман». «Клим Нелипов». Про электриков роман? Ух, за душу берет! – Он скрутил книжку в бараний рог и сделал пальцем по страницам: тррррык! – Значит, теперь у нас в поселке будет свой писатель. Очень хорошо. Превосходно. Только надо подниматься выше. Охватывать глубинные, понимаешь, пласты нашей работы. Например, написать роман о жизни и деятельности главы администрации.

– Эта тема уже стоит в нашем плане, – немедленно отозвался из-за спины Клина редактор. – Первым пунктом.

– Молодец! Стараешься, Михалыч! – похвалил глава и вручил Климу коробочку. Клим открыл ее. Там был набор матрешек от мала до велика, с широко расставленными и узкими, как у монголов, глазами.

Глава прокомментировал ценный подарок:

– Расставишь их всех на своем столе по рангу, снимешь верхние части, а нижние заполнишь водочкой. И начнешь с самой маленькой... Культура должна быть во всем, так ведь?

– Безусловно, – поторопился с ответом редактор, хотя вопрос был адресован Климу. – Наша редакция в этом плане ведет активную работу...

– Неплохой кабинетик, – похвалил Клим, прогуливаясь вдоль полированного стола. – Но лично я предпочитаю работать в маленькой комнатухе и обязательно перед зеркалом. Зеркало помогает мне точно обрисовать выражение на лицах моих героев... А молодая секретарша у вас есть? А личные апартаменты? У руководителей обязательно должны быть потайные комнатки, в которых они уединяются в обеденный перерыв.

Редактор стыдливо захихикал от таких нескромных речей и стал пунцовым. Но главе администрации, кажется, понравился ход мыслей молодого дарования. Он виновато улыбнулся, развел руками, отчего из-под обшлагов рукавов выглянули несвежие, покрытые катышками манжеты рубашки.

– Увы, пока нет ни личных апартаментов, ни молодой секретарши. Но этот вопрос находится в состоянии проработки.

Редактор, в одночасье уразумев, что здорово отстал от жизни и насущных потребностей своего прямого начальника, тут же попытался исправиться.

– Я предлагаю оборудовать, так сказать, ваши личные апартаменты в помещении нашей редакции, – пошлым шепотом произнес он, озираясь на входную дверь. – А в качестве секретарши вполне сгодится моя журналистка Таня Степанова. – И, задыхаясь от волнения, дрожащим голосом добавил: – Очень, очень милая девушка.

Лицо главы стало серьезным. Он задумался, но ненадолго, вскинул указательный палец и многозначительно произнес:

– Да. Да. Мы обязательно вернемся к этому вопросу.

Клим понял, что старое поколение надо учить и учить жизни, и с полным на то основанием сел в кресло главы.

– И еще вам не хватает бара, – назидательно сказал он, кружась на шарнирах из стороны в сторону.

– Ты записывай, записывай, Михалыч, нечего на память надеяться! – упрекнул редактора глава.

Клим обвел кабинет взглядом и увидел его таким, каким он уже осточертел главе администрации. На него вдруг снизошло озарение. Он взглянул на стоящих перед ним изрядно застиранных жизнью мужчин совсем другими глазами. Кто они такие? Что собой представляют? Два ноля! Михалыч, тот вообще полный ноль, и даже стоит перед главой, как ноль, ссутулившись, склонив голову, напоминая наполовину скрученный коврик для аэробики. А Порфирий Федорович? Подумаешь, глава администрации! Обыкновенный дядька, которому подфартило занять отдельный кабинет. А ведь ничего о жизни не знает! Даже про личные апартаменты не знает! А он, Клим, писатель! Писатель! Штучный, редкий объект. Инженер человеческих душ! Продукт особых усилий матушки-природы. Да после него она, наверное, столетие отдыхать будет, пачками производя вот таких Иван Михалычей и Порфириев Федоровичей.

Клим со скучающим видом посмотрел на два телефонных аппарата, на одном из которых была бирка с грозным предупреждением: «Прямой!! Не трогать!!», и тотчас снял трубку, послушал шорох, чье-то тяжелое дыхание и низкий баритон: «Да-а-а!» Глава с опозданием кинулся к Климу, но тот уже положил трубку на место и стал листать странички перекидного календаря.

– Не стоило этого делать! – со сдержанным беспокойством произнес глава, на всякий случай придавливая трубку ладонью. – Это прямая связь с полпредом президента.

– Ерунда, – успокоил его Клим. – Если будет ругать, то скажете, что это писатель Нелипов входил в образ главы администрации... А хотите, я сам ему это скажу?

– Нет-нет! – крикнул Порфирий Федорович. – Лучше я как-нибудь сам.

Редактор в это время делал вид, что ничего не видит и рассматривает лепные конструкции над карнизом. Глава администрации встал рядом с Климом и стал дышать ему на темечко да еще топтаться и за подлокотник кресла схватился, как за борт спасательной шлюпки. Вне кресла он стал чувствовать себя неудобно, будто его уволили. Климу хоть и понимал, что нехорошо так долго занимать чужое место, но ему слишком понравилось представлять себя руководителем такого масштаба, и он никак не мог заставить себя проявить воспитанность и такт. С этого кресла все виделось иначе, и кабинет вместе со столом, стульями и большим желтым пятном на потолке, и расплывчатые контуры поселка за грязными окнами, и людишки,двигающиеся куда попало, представлялись Климу деталями компьютерной игры. И ему стоило всего лишь взять джойстик, чтобы начать крутить и переставлять весь этот виртуальный мир по своему усмотрению.

– А почему бы вам не организовать встречу читателей со мной? – вдруг сказал Климу и удивился, что такая гениальная идея не взбрела ему в голову раньше.

Глава администрации был перегружен неконтролируемым желанием вернуть себе кресло и потому априори принимал любое предложение молодого дарования.

– Организуем! – с готовностью воскликнул он, нетерпеливо дергая за подлокотник. – Михалыч! Ты почему до сих пор не провел читательскую конференцию по романам нашего литературного самородка?

Редактор, не ожидавший от Клима такого подлого удара, стал оправдываться:

– Этот вопрос, Порфирий Федорович, у нас в плане стоит...

Глава замахал руками:

– Что у тебя там стоит? Ничего у тебя не стоит, причем уже давно! Берись за телефон и собирай читателей в актовом зале. Звони в роддом, в пожарную охрану, в больницу... Чтобы полный зал был! Чтобы аншлаг! Чтобы проходы были забиты, как канализационные трубы!

– И милицию тоже пригласите! – напомнил Климу.

– Правильно говоришь, сынок! И милицию тоже. Не все же им на пьяные хари смотреть! Пусть хоть раз увидят представителя нашего интеллектуального и культурного фонда.

Редактор так расстарался, собирая читателей, что когда Климу из-за кулис вышел на сцену актовом зала, то от внезапного страха у него ослабели ноги и стали сами собой складываться в суставах. Действительно, был полный аншлаг, и благодарные читатели стояли даже в проходах. Самое интересное было то, что первые ряды плотно заполняли беременные женщины. Климу и представить не мог, чтобы небольшой поселок вносил столь весомый вклад в процесс воспроизводства населения страны. За мамочками, похожими на воздушные шарики в сарафанах, можно было разглядеть несколько шеренг милиционеров. Между погонами проглядывались оранжевые спецовки рабочих, возможно шпалоукладчиков, да белые халаты медиков. Все остальное пространство было заполнено маргинальными элементами, по-видимому прихваченными милиционерами по пути.

Представил Климу публике сам глава администрации. Зал взорвался овациями, и Климу немедленно принялся душить свою робость. Он решительно шагнул на край сцены, сунул руки в карманы, обвел присутствующих долгим взглядом, после чего изрек нечто глубоко-мысленное:

– Как вас мало! Но как много мне дано понять и осмыслить...

Зал снова разразился аплодисментами. Особенно старались беременные. Дождавшись тишины, Климу сразу перешел к подробному объяснению концепции параллелизма в своем новом романе, постепенно затрагивая тему своей жизни во французской эмиграции. И это гармоничное единение с залом продолжалось бы неизвестно сколько времени, как если бы вдруг Климу не увидел в третьем ряду репчатое лицо того самого милиционера, в сарае которого было так много навоза. «Значит, сам бог велел», – подумал Климу и резко оборвал рассказ о своих графских корнях. Минута прошла в гнетущей тишине, которую заполнял лишь

глава администрации, нервно и с натяжкой покашливая в кулак. Клим наконец прервал молчание и объяснил почитателям своего таланта, что уникальность профессии писателя в том, что творческий процесс продолжается непрерывно, нескончаемой рекой образов и фразеологизмов. И даже сейчас он испытывает неудержимую потребность записать пришедшие на ум нечаянные мысли, и сделать это надо обязательно, как вовремя уколоться диабетик. И Клим извинился, попросил благодарную публику отпустить его за кулисы на несколько минут, а за это время подготовить вопросы в письменном виде.

Он выбрался из здания администрации с такой ретивостью, будто там была заложена бомба, немедленно остановил первую попавшуюся машину, заплатил водителю за рейс в оба конца и поехал к домику с высоким забором.

Хозяйка высказала традиционное предположение, что сейчас придет муж, но Клим не стал ничего ей объяснять, сократив время свидания до нескольких горячих минут. Эти минуты были настолько плотно заполнены действиями, что футболку Клим заправил в джинсы лишь на пороге здания администрации. Но забежать внутрь он не успел. Его кто-то окликнул.

Глава 14

Обернувшись, Клим увидел пристроившуюся в тени памятника серебристую машину, широкую, с низкой, как у черепахи, посадкой. Рядом с ней стоял крепкий молодой мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, черных брюках, отливающих на солнце шелковым блеском, и аспидных остроносых туфлях, чистых, как у манекена с витрины обувного магазина. Мужчина выглядел настолько презентабельно и штучно, что можно было с уверенностью сказать: он никаким краем не относится к местным аборигенам, не состоит с ними в родственных отношениях и даже вряд ли имеет здесь знакомых.

– Вы Клим Нелипов? – уточнил мужчина, и Клим, несмело приближаясь к нему, заметил, что незнакомец смотрит на него с недоумением и разочарованием. Этот взгляд показался Климу оскорбительным, и он подтвердил, добавив в голос льдинки высокомерия:

– Да, я Клим Нелипов.

– Писатель?

– Писатель, писатель, – заверил Клим. – Вы, пожалуйста, побыстрее говорите, а то меня полный зал ждет вместе с главой администрации.

– Подождет, – нахально ответил мужчина. – У меня к вам выгодное предложение. Не хотите сесть в машину?

Климу было страшновато, но он считал, что писателю его уровня нельзя проявлять трусость, и согласился. В машине было сумрачно и прохладно, как в подводной лодке. За рулем сидел водитель в темной рубашке. Он напоминал робота, которого пока еще не загрузили программой, и он был неподвижен и безучастен.

– Я Анджей Артаусов, ведущий специалист по работе с авторами издательства «Престо», – представился незнакомец и сверкнул светлыми, как теннисные мячики, глазами. – Надеюсь, вы слышали о таком? Клим не сразу нашелся, что ответить. О таком издательстве, как и обо всех других, он ничего не слышал, но не мог признаться в этом, чтобы не посрамить свою писательскую осведомленность. В то же время не решился сказать «да», чтобы тем самым не дать мужчине повода слишком задирать нос. Потому Клим ответил уклончиво:

– Видите ли, связями с издательствами занимается мой личный литературный агент. Я стараюсь не отвлекаться от творчества.

– Правильно, – согласился мужчина. – Кесарю – кесарево. И все-таки нелишним будет сообщить вам, что «Престо» – это самое могучее издательство в России. В год мы выпускаем тысячи наименований книг общим тиражом в десятки миллионов экземпляров. Наши книги распространяются по всему миру...

У Клима перехватило дыхание. «Ого, какие колоссы заинтересовались мной!» – подумал он, не без усилия сохраняя на лице выражение скуки. Мужчина выдержал паузу, целясь в Клима игольчатыми зрачками, и продолжил:

– Нас заинтересовало ваше творчество и в частности роман «Градусник». Директор издательства предлагает вам сотрудничать с нами.

– Сотрудничать? – зачем-то повторил Клим, торопливо думая о том, что он, возможно, сорвет с этого холеного специалиста не меньше пяти тысяч рублей.

– Да. Мы предлагаем вам переехать в Москву и заключить с нами долгосрочное соглашение.

– В Москву! – произнес Клим, причем первый слог он выдал с чувством щенячьего восторга, а второй – с деланным разочарованием. – А я думал, что...

– Нет, в Москву, – с сожалением подтвердил мужчина. – Мы снимем и оплатим для вас квартиру, обеспечим подъемными, предоставим в ваше распоряжение автомобиль.

Климу стоило нечеловеческих усилий сдерживать рвущийся наружу радостный вопль. Мужчина не сводил взгляда с Клим. В его глазах было что-то змеиное. Клим делал вид, что размышляет. Специалист по работе с авторами улыбался краешком губ и делал руками такие движения, словно намыливал их. Сейчас Клим очень сожалел, что рядом с ним не было Кабана. Запах перегара и несвежего пота, который источал самый агрессивный абориген поселка, действовал на Клим успокаивающе и внушал уверенность в себе.

– И когда мне лучше приехать в Москву? – спросил Клим, цепко удерживая в памяти те деньги, которые ему должен был Иван Михалыч за два последних отрывка.

– Немедленно, – ответил мужчина. – Через два часа я посажу вас на московский поезд.

– Нет, так сразу я не могу, – покрутил головой Клим. – Мне тут задолжали деньги...

– Сколько?

– Две тысячи восемьсот, – честно ответил Клим.

– Долларов или евро?

– Рублей, – ляпнул Клим и с опозданием прикусил язык.

Мужчина чуть помедлил, будто сомневался, правильно ли понял молодого человека, вынул из нагрудного кармана бумажник и, вопросительно глядя на Клим, протянул сто долларовую купюру. Климу почему-то стало неуютно, будто начался дождь, причем какой-то странный дождь... Он взял деньги и только тогда понял, что на него надвигается целая туча, состоящая из таких бумажек, но дойдет ли она до него или прольется над чужой головой, теперь зависело от него самого.

По дороге к Тане Клим раздумывал над тем, надо ли ему прощаться с главой администрации и редактором или же исчезнуть без предупреждения, по-английски. Как отреагирует Иван Михалыч на исчезновение Клим, можно было легко представить. Печаль редактора будет безгранична, потому что продолжения великого романа читатели не увидят, значит, газета опять вернется к прежним скудным тиражам и творческий коллектив в глубоком унынии снова станет писать о заболоченных дорогах, ржавой технике и спившихся агрономах. «Не все коту масленица! – мстительно подумал Клим. – Устроились, понимаешь ли, на моей шее!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.